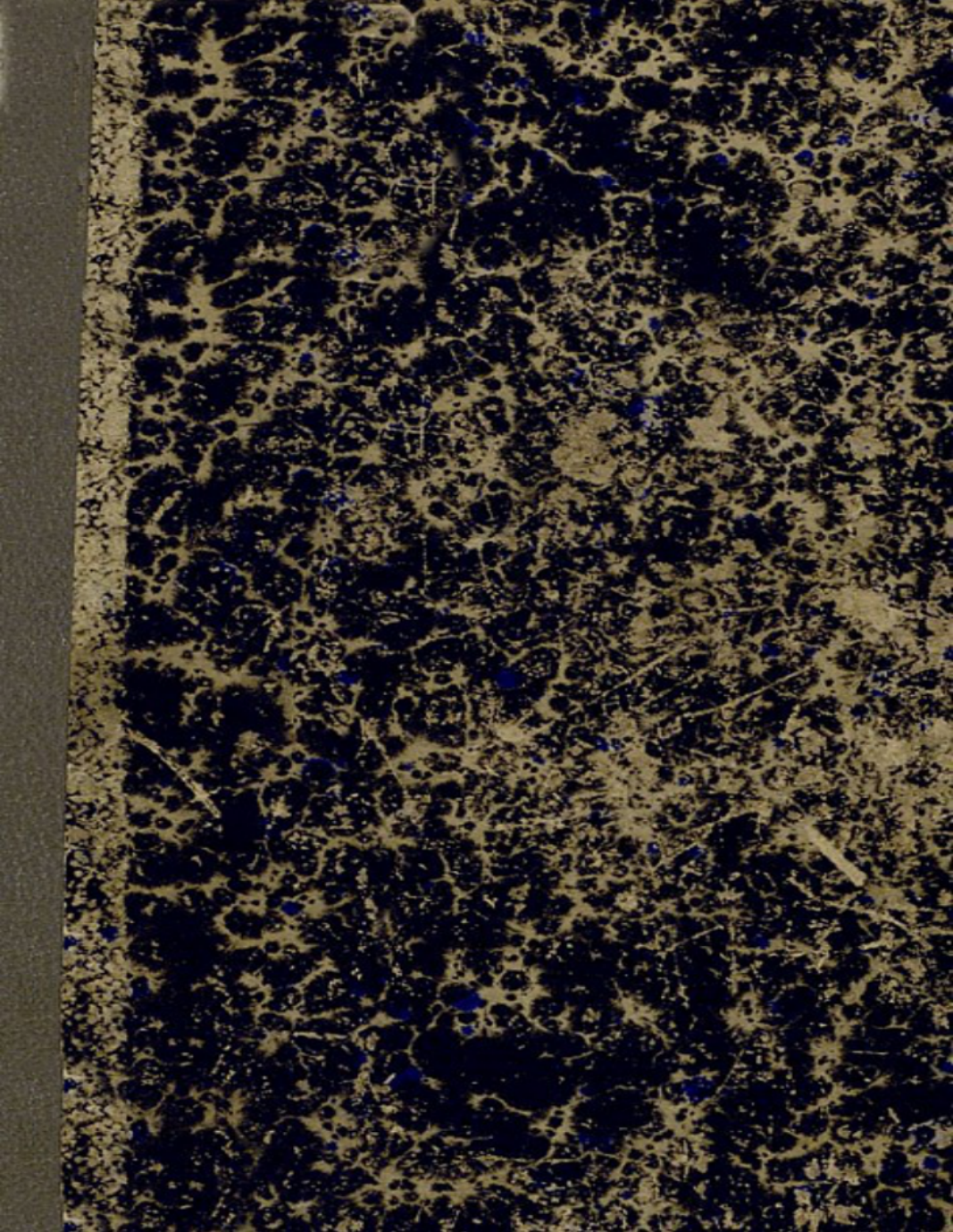

SHOUT
SHARE **IT**

Annotation

Настоящая книга исторических анекдотовъ составлена по второму изданію «Дѣянія Петра Великаго» Ив. Ив. Голикова, изданному въ 1837–41 годахъ. Кромѣ того нѣсколько анекдотовъ заимствовано изъ «Достопамятныхъ повѣствованій и рѣчей Петра Великаго» Андрея Нартова и исправлены по этому источнику нѣкоторые анекдоты, взятые у Голикова. Третье существующее оригинальное собраніе анекдотовъ о Петрѣ — Штелина — цѣликомъ вошло въ книгу Голикова; во всякомъ случаѣ мы просмотрѣли и это собраніе и сдѣлали по нему нѣкоторыя исправленія во взятыхъ уже у Голикова анекдотахъ.

- **Ив. Феоктистовъ**

- ☐
- ☐
- ☐ Предисловіе.
- ☐ I.
- ☐ II.
- ☐ III.
- ☐ IV.
- ☐ V.
- ☐ VI.
- ☐ VII.
- ☐ VIII.
- ☐ IX.
- ☐ X.
- ☐ XI.
- ☐ XII.
- ☐ XIII.
- ☐ XIV.
- ☐ XV.
- ☐ XVI.
- ☐ XVII.
- ☐ XVIII.
- ☐ XIX.
- ☐ XX.
- ☐ XXI.
- ☐ XXII.
- ☐ XXIII.
- ☐ XXIV.
- ☐ XXV.
- ☐ XXVI.

- XXVII.
- XXVIII.
- XXIX.
- XXX.
- XXXI.
- XXXII.
- XXXIII.
- XXXIV.
- XXXV.
- XXXVI.
- XXXVII.
- XXXVIII.
- XXXIX.
- XL.
- XLI.
- XLII.
- XLIII.
- XLIV.
- XLV.
- XLVI.
- XLVII.
- XLVIII.
- XLIX.
- L.
- LI.
- LII.
- LIII.
- LIV.
- LV.
- LVI.
- LVII.
- LVIII.
- LIX.
- LX.
- LXI.
- LXII.
- LXIII.
- LXIV.
- LXV.
- LXVI.
- LXVII.

- notes

- 1
- 2

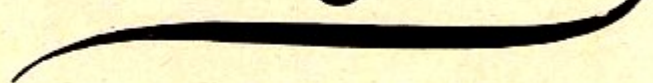
- ☐ 3
- ☐ 4
- ☐ 5
- ☐ 6
- ☐ 7
- ☐ 8
- ☐ 9
- ☐ 10
- ☐ 11
- ☐ 12
- ☐ 13
- ☐ 14
- ☐ 15
- ☐ 16
- ☐ 17
- ☐ 18
- ☐ 19
- ☐ 20
- ☐ 21
- ☐ 22
- ☐ 23
- ☐ 24
- ☐ 25
- ☐ 26
- ☐ 27
- ☐ 28
- ☐ 29
- ☐ 30
- ☐ 31
- ☐ 32
- ☐ 33
- ☐ 34
- ☐ 35
- ☐ 36
- ☐ 37
- ☐ 38
- ☐ 39
- ☐ 40
- ☐ 41
- ☐ 42
- ☐ 43
- ☐ 44
- ☐ 45
- ☐ 46

- ☐ 47
- ☐ 48
- ☐ 49
- ☐ 50
- ☐ 51
- ☐ 52
- ☐ 53
- ☐ 54
- ☐ 55
- ☐ 56
- ☐ 57
- ☐ 58
- ☐ 59
- ☐ 60
- ☐ 61
- ☐ 62
- ☐ 63
- ☐ 64

ИВ. ФЕОКТИСТОВЪ

Анекдоты

И ПРЕДАНИЯ

О

ПЕТРЪ ВЕЛИКОМЪ.

(По Голикову и др.)

Изданіе М. М. Ледерле удостоено на
1-й Всероссийской Выставкѣ Печат-
наго Дѣла Медалью Серебряной Медалью.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА М. М. ЛЕДЕРЛЕ

(Невскій, 42).

1896.

Ив. Θεоктистовъ

Анекдоты и преданія о Петръ Великомъ.

*«...что въ Россіи ни взгляни, все
его началомъ имѣетъ, и что бы
впредь ни дѣлалось, отъ сего
источника черпать будутъ».*

Неплюевъ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 8 Мая 1896.
Типографія Инж. Г. А. Бернштейна, Орловскій пер., №1.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

(Род. 30 мая 1672 г., ум. 28 янв. 1725 г.)

Предисловіе.

Ив. Ив. Голиковъ — авторъ «Дѣяній Петра Великаго», изъ которыхъ заимствованы главнымъ образомъ настоящіе анекдоты и преданія о Петрѣ Великомъ — родился около 1735 года въ городѣ Курскѣ. Отецъ его былъ одинъ изъ богатѣйшихъ мѣстныхъ купцовъ. У приходскаго дьячка Голиковъ научился читать по церковно-славянски и кое-какъ писать, что и составило весь кругъ его воспитанія, такъ какъ въ Курскѣ, по его словамъ, научиться въ то время больше было буквально нечему. Для любознательнаго мальчика оставалось одно средство къ полученію образованія и умственному развитію — чтеніе, но и этому мѣшала скудость книгъ во всемъ городѣ. Случайно первымъ самостоятельнымъ чтеніемъ Голикова были рукописныя тетради о нѣкоторыхъ событіяхъ царствованія Петра Великаго. Это чтеніе навсегда рѣшило его судьбу; въ немъ, несмотря на его малолѣтство, пробудилось сильное желаніе знать о Петрѣ болѣе, — но для этого надо было уѣхать изъ Курска.

Судьба, хотя и жестокимъ путемъ, способствовала этому стремленію: отецъ Голикова разорился, и сынъ долженъ былъ ѣхать въ Москву заслуживать отцовскій долгъ «натурою» къ купцамъ Журавлевымъ, у которыхъ онъ и прослужилъ около десяти лѣтъ. Пребываніе за эти годы въ Москвѣ, потомъ черезъ годъ поѣздка по хозяйскимъ дѣламъ въ Оренбургъ и наконецъ въ Петербургъ — доставили молодому Голикову доступъ къ книгамъ о Петрѣ Великомъ. Онъ набросился на нихъ съ жадностью; онъ казались ему какимъ-то сокровищемъ и возбудили въ немъ непреодолимое стремленіе къ отыскиванію и собиранію всего, что только могло имѣть отношеніе къ исторіи Петра Великаго. Счастливая случайность какъ разъ приводитъ Голикова въ Оренбургъ, гдѣ начальникомъ края былъ одинъ изъ пламенныхъ почитателей Петра Великаго — Ив. Ив. Неплюевъ. Благодаря знакомству съ нимъ, а затѣмъ, особенно во время пребыванія въ Петербургѣ, и съ другими современниками Петрова царствованія, Голиковъ собираетъ такіе матеріалы и записываетъ такіе факты изъ жизни Петра, которые безъ него погибли бы невосвратно и извѣстны теперь, только благодаря ему.

Голикову было 27 лѣтъ, когда онъ отслужилъ Журавлевымъ отцовскій долгъ. Ставъ свободнымъ, онъ самостоятельно занялся торговлею. Средства, доставленныя ею, онъ употреблялъ на составленіе библіотеки печатныхъ и рукописныхъ сочиненій, относящихся къ исторіи Петра Великаго. Но цѣль этого собиранія пока не была ясна для Голикова: онъ удовлетворялъ только

собственнымъ своимъ потребностямъ, занятіе это доставляло ему удовольствіе, и никогда не приходила ему въ голову мысль о томъ, что когда-нибудь на основаніи собранныхъ имъ матеріаловъ онъ можетъ написать многотомную исторію Петра Великаго. Надо было случиться несчастью, чтобы въ немъ наконецъ назрѣло подобное рѣшеніе.

Занимаясь питейными откупами, Голиковъ подвергся обвиненію въ уголовномъ преступленіи, былъ посаженъ въ тюрьму и потерялъ почти все свое состояніе, а дальнѣйшій ходъ дѣла грозилъ ему еще худшимъ бѣдствіемъ — ссылкой въ Сибирь. Но 7 августа 1782 года по случаю открытія памятника Петру Великому былъ объявленъ императрицею Екатериною II милостивый манифестъ, благодаря которому Голиковъ получилъ свободу. Прямо изъ тюрьмы онъ поспѣшилъ въ церковь, а оттуда къ памятнику того, котораго такъ чтить и которому такъ удивительно былъ обязанъ своимъ спасеніемъ, и здѣсь на колѣняхъ публично далъ обѣтъ посвятить всю остальную жизнь прославленію дѣлъ Петра Великаго.

Съ тѣхъ поръ Голиковъ отказался отъ торговыхъ предпріятій, переселился въ Москву и занялся исключительно обработкою и приведеніемъ въ порядокъ собранныхъ имъ матеріаловъ. Результатомъ этого труда и были двѣнадцать томовъ «Дѣяній Петра Великаго, мудраго преобразителя Россіи» (1788–1789 гг.).

Недостатокъ образованія не позволилъ Голикову обработать свои матеріалы научнымъ образомъ, и книга его заключаетъ въ себѣ не мало прямыхъ ошибокъ и невѣрныхъ взглядовъ, не говоря уже о чрезмѣрномъ поклоненіи Петру Великому, — но она была первою полною исторіею Петра, имѣвшею многочисленныхъ читателей въ теченіи полувѣка, и облегчила путь для дальнѣйшихъ изслѣдователей. Въ этомъ заслуга Голикова передъ потомствомъ. Самъ онъ былъ человѣкъ крайне скромный и хорошо сознавалъ несоотвѣтствіе своихъ силъ съ взятымъ на себя трудомъ; объ этомъ онъ говоритъ откровенно съ благородною простотою въ предисловіи къ своей книгѣ.

По выходѣ «Дѣяній» Голиковъ дополнилъ ихъ новыми матеріалами, которые и издалъ въ восемнадцати томахъ, въ видѣ «Дополненіи къ Дѣяніямъ Петра Великаго» (1790–1797 гг.).

Умеръ Голиковъ 12 марта 1801 г.

Въ 1837–41 годахъ «Дѣянія Петра Великаго» вмѣстѣ съ «Дополненіями» были изданы (въ 15-ти томахъ) во второй разъ; по этому-то изданію и составлена настоящая книга. Кромѣ того нѣсколько анекдотовъ заимствовано нами изъ «Достопамятныхъ повѣствованій и рѣчей Петра Великаго» Андрея Нартова^[1] и исправлены по этому источнику нѣкоторые анекдоты, взятые у

Голикова. Третье существующее оригинальное собрание анекдотовъ о Петрѣ — Штелина — цѣликомъ вошло въ книгу Голикова; во всякомъ случаѣ мы просмотрѣли и это собрание^[2] и сдѣлали по нему нѣкоторыя исправленія во взятыхъ уже у Голикова анекдотахъ.

Возобновляя здѣсь анекдоты и преданія о Петрѣ по указаннымъ источникамъ, мы по необходимости должны были обновить ихъ устарѣлый языкъ (сохраняя понятные архаизмы лишь въ рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ) и придать ему современный литературный характеръ, но стараясь, по возможности, не нарушать привлекательной наивности и простоты оригиналовъ. Чтобы нашему читателю можно было имѣть отчасти и точное понятіе объ оригиналахъ, мы привели три анекдота (LI — LIII) безъ всякихъ измѣненій; анекдоты эти взяты изъ записокъ Неплюева, и въ той редакціи, въ какой приведены у Голикова. Вмѣстѣ съ тѣмъ намъ пришлось устранить анахронизмы, которые нерѣдко встрѣчаются въ указанныхъ источникахъ, и позаботиться вообще о приданіи нашимъ рассказамъ вѣрнаго историческаго тона и обстановки, не разрушая однако вовсе преданія. Главнымъ пособіемъ для этого служили намъ сочиненія Устрялова^[3] и Соловьева^[4].

Порядокъ расположенія анекдотовъ въ нашей книгѣ, насколько это возможно было сдѣлать, хронологическій. — Одинъ изъ анекдотовъ (XXI) къ Петру собственно не относится, но мы ввели этотъ анекдотъ для болѣе полной характеристики кн. Я. Долгорукова, занимающаго въ другихъ анекдотахъ видное мѣсто.

Первоначальный текстъ настоящей книги^[5] былъ любезно просмотрѣнъ М. А. Андреевымъ и С. Н. Шубинскимъ, которымъ и приношу здѣсь свою искреннюю благодарность. Благодаря ихъ указаніямъ (особенно С. Н. Шубинскаго), я могъ сдѣлать нѣкоторыя необходимыя исправленія и дополненія въ своей работѣ.

Ив. Ѳ.

I.

Ранняя любовь къ воинскимъ упражненіямъ.

Когда Петру было три года, то въ день его именинъ въ числѣ другихъ подарковъ одинъ купецъ поднесъ ему маленькую саблю. Царевичъ на всѣ другіе подарки смотрѣлъ равнодушно, но саблю принялъ съ необыкновенною радостью. Онъ велѣлъ купцу себя приподнять, поцѣловалъ его въ голову, спросилъ, какъ его зовутъ, и сказалъ, что онъ его не забудетъ. Послѣ этого просилъ онъ своего отца опоясать себя саблею, а купца чѣмъ-нибудь наградить, Царь Алексѣй Михайловича, позвалъ духовника и по прочтеніи имъ молитвы опоясалъ сына саблею, а купца велѣлъ пожаловать званіемъ гостя^[6]. Обрадованный царевичъ приказалъ позвать купца и самъ объявилъ ему царскую милость, а саблю не могли уже съ тѣхъ поръ съ него снять, такъ что нерѣдко и засыпалъ онъ съ нею.

Алексѣй Михайловичъ, видя въ сынѣ склонность къ военнымъ упражненіямъ, приказалъ собрать изъ дворянскихъ дѣтей нѣсколькихъ однолѣтокъ царевичу, сдѣлать подходящее для нихъ оружіе и обучить воинскимъ приемамъ. Это распоряженіе такъ обрадовало царевича, что онъ, цѣлуя руки отца, плакалъ; и съ того времени не было для него лучшаго веселья, во дворцѣ и на дворѣ, какъ играть съ тѣми дѣтьми въ солдаты.

Такая сильная склонность къ военнымъ забавамъ въ маленькомъ ребенкѣ удивляла всѣхъ окружающихъ, и они говорили: «что будетъ съ этимъ ребенкомъ, когда онъ придетъ въ возрастъ?»

II.

Первая потѣшная рота.

Любовь къ воинскимъ упражненіямъ съ лѣтами только росла въ Петрѣ. Во время правленія царевны Софьи онъ жилъ, удаленный отъ дѣлъ, въ подмосковномъ селѣ Преображенскомъ. Здѣсь, познакомившись съ иностранцами, жившими въ Нѣмецкой слободѣ^[7], устроилъ онъ при ихъ помощи изъ своихъ сверстниковъ и охотниковъ изъ придворныхъ служителей настоящую солдатскую роту на иностранный образецъ. Чтобы приучить какъ самого себя, такъ и товарищей своихъ безпрекословному повиновенію и вообще правиламъ строгой дисциплины, а также и испытать на самомъ себѣ, что солдатъ можетъ и долженъ дѣлать, Петръ записалъ себя въ эту роту — сначала барабанщикомъ, а потомъ рядовымъ, и не только былъ внесенъ въ солдатскій списокъ, но и несъ на себѣ всѣ условія солдатской жизни и всѣ обязанности простыхъ солдатъ: спать вмѣстѣ съ ними въ одной и той же палаткѣ, ѣлъ ту же пищу, что и они, такъ же одѣвался, стоялъ въ очередь на караулѣ, исправлялъ всѣ солдатскія работы, возилъ для постройки крѣпости землю въ телѣжкѣ, сдѣланной своими руками, — и проч., и проч. За усердное исполненіе всѣхъ солдатскихъ обязанностей онъ былъ произведенъ въ сержанты, и это повышеніе было принято имъ съ великою радостью.

Бояре, видя молодого государя въ такихъ трудахъ, по ихъ мнѣнію неприличныхъ царскому достоинству и вмѣстѣ съ тѣмъ изнуряющихъ молодыя силы, неоднократно старались отговорить его отъ нихъ, но Петръ и не думалъ слушаться. Наконецъ, по просьбѣ бояръ и самой царицы, его матери, убѣждалъ его и самъ патріархъ не утруждать себя свыше мѣры.

— Вѣдаю, — говорилъ патріархъ, — что упражненія твои полезны, но здоровье твое всего дороже. И мы, богомольцы твои, со всѣми подданными просимъ и молимъ тебя не приводить въ ослабленіе безмѣрными трудами твоего здоровья.

Молодой царь^[8], терпѣливо все это выслушавъ, сказалъ, что, конечно, кто-нибудь лишнее наговорилъ патріарху о его трудахъ. Патріархъ признался, что дѣйствительно, кромѣ того, что самъ онъ знаетъ о трудахъ царя, и бояре, сокрушаясь о томъ, не разъ ему говорили. На это Петръ отвѣчалъ, что усердіе бояръ къ нему ослѣпляетъ ихъ, и что они худо знаютъ, какъ въ остальной Европѣ государи воспитываютъ своихъ дѣтей, которыхъ они съ самыхъ малыхъ лѣтъ, не давая имъ никакой воли и покоя, утруждаютъ

постояннымъ ученъемъ. Его же занятія, дѣлающіяся по собственной охотѣ, не только не ослабляютъ его здоровья, но еще болѣе его укрѣпляютъ.

— Къ тому же, — прибавилъ Петръ. — много времени проходить у меня, владыко святой, и въ пустыхъ забавахъ, отъ которыхъ, однако никто меня не отвлекаетъ.

Такимъ образомъ онъ съ прежнимъ увлеченіемъ продолжалъ свои военныя занятія, и скоро за первую потѣшную роту образовалась и вторая — въ селѣ Семеновскомъ. Эти-то двѣ роты и были началомъ первыхъ нашихъ гвардейскихъ полковъ — Преображенскаго и Семеновскаго.

III.

Боязнъ воды въ дѣтствѣ.

Разсказываютъ, что, несмотря на сильную любовь къ воинскимъ упражненіямъ, у Петра Великаго въ раннемъ же дѣтствѣ наблюдалась крайняя боязнъ воды. И хотя охотно слушалъ онъ рассказы о морскихъ сраженіяхъ, но самъ и не думалъ затѣвать военныхъ упражненій на судахъ. Причиной этой боязни былъ сильный испугъ, испытанный имъ въ пятилѣтнемъ возрастѣ, Случилось это такъ.

Мать Петра, царица Наталья Кирилловна, въ весеннее время ѣздила на богомолье въ монастырь. Настало половодье. Приходилось переѣзжать черезъ ручеекъ, отъ наводненія сдѣлавшійся настоящею рѣкою. Царица сидѣла въ каретѣ и дремала, а Петръ спалъ у нея на рукахъ. Въ это время карета наклонилась на бокъ и зачерпнула воды. Люди, сопровождавшіе царицу, закричали. Отъ этого крика царица очнулась и сама въ страхъ сильно закричала, а отъ ея крика пробудился царевичъ и, видя воду въ каретѣ и слыша шумъ бѣгущаго ручья, до того былъ перепуганъ, что даже заболѣлъ лихорадкой.

Съ тѣхъ поръ онъ не могъ спокойно смотрѣть на воду, была ли то рѣка, озеро или даже прудъ. Онъ старался скрывать страхъ свой, но безуспѣшно, такъ какъ для всѣхъ замѣтно было, что онъ никогда не катался на лодкѣ, не купался и не переѣзжалъ въ бродъ черезъ рѣку, какъ бы мала она ни была, — и это продолжалось до четырнадцатилѣтняго возраста. Въ эти лѣта онъ освободился отъ своего страха слѣдующимъ образомъ.

Князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, занимавшій при Петрѣ.мѣсто дядьки, предложилъ ему позабавиться псовой охотою. Парь не любилъ вообще никакой охоты, но изъ уваженія къ князю согласился на его просьбу. Во время охоты князь, желая уничтожить въ молодомъ царѣ боязнъ воды, съ намѣреніемъ завелъ его къ берегамъ рѣки Истры. Петръ, увидя рѣку, остановилъ коня.

— Куда ты завелъ меня? — спросилъ онъ съ огорченнымъ видомъ.

— Къ рѣкѣ, — отвѣчалъ князь. — Ваше величество видите, сколь утомились лошади и запылились охотники, такъ нужно лошадямъ дать отдохнуть и прохладиться, а людямъ вымыться. Родитель твой, — заключилъ князь, — часто сіе дѣлывалъ и въ сей рѣчкѣ самъ купывался^[9].

И, не дожидаясь отвѣта, Голицынъ сталъ переправляться въ

бродъ черезъ рѣчку. Между тѣмъ остальные охотники, которымъ уже былъ раньше данъ приказъ объ этомъ, раздѣлись и стали купаться.

Петръ сначала на все это досадовалъ, но, видя, что князь уже переѣхалъ черезъ рѣчку и съ другого берега зоветъ его къ себѣ, постыдился показать, что боится воды, и, сдѣлавъ надъ собою усиліе, рѣшился вѣхаться въ рѣчку и переѣхалъ ее. Всѣ, бывшіе при этомъ, зная страхъ его, обрадовались, да и самъ Петръ почувствовалъ отъ этого переѣзда нѣкоторое удовольствіе.

Съ тѣхъ поръ страхъ его къ водѣ мало-помалу пропалъ и замѣнился, наоборотъ, очень скоро необыкновенною любовью къ мореплаванію.

IV.

Дѣдушка русскаго флота.

Началомъ страсти къ мореплаванію, по признанію самого Петра, послужило слѣдующее обстоятельство.

Въ началѣ мая 1688 года Петръ былъ въ селѣ Измайловѣ. Здѣсь, осматривая по великой своей любознательности лежащій на льяномъ дворѣ, по амбарахъ, разный брошенный хламъ, принадлежавшій дѣду его, Никитѣ Ивановичу Романову, онъ увидѣлъ одно судно, построенное невиданнымъ для него образомъ. Петръ разсматривалъ его съ крайнимъ любопытствомъ и спросилъ сопровождавшаго его учителя геометріи и фортификаціи, голландца Франца Тиммермана, что бы это было за судно? И узналъ, что это англійскій боть, употребляемый на морѣ при корабляхъ, и что на немъ можно ѣздить на парусахъ не только по вѣтру, но и противъ вѣтра. Любознательный государь желалъ бы въ ту же минуту сдѣлать тому опытъ, но боть былъ ветхъ и неисправенъ. Тогда Петръ спросилъ Тиммермана: можно ли найти такого мастера, который бы его исправилъ? По счастію, былъ отысканъ въ Нѣмецкой слободѣ корабельный плотникъ, голландецъ Карштень (Христіанъ) Брантъ; онъ былъ вызванъ въ Россію еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и работалъ тогда при постройкѣ перваго русскаго корабля «Орель»^[10]. Брантъ починилъ боть, поставилъ мачту, сдѣлалъ паруса, и въ ту же весну боть былъ спущенъ на рѣку Язу, Сначала Петръ только смотрѣлъ, какъ лавировалъ на ботѣ Брантъ, но потомъ сѣлъ въ него самъ и учился управлять имъ.

Рѣка была узка, при поворотахъ боть нерѣдко упирался въ ея берега, и потому перевезли его на Просяной прудъ. Но и здѣсь Петру показалось тѣсно. Онъ спросилъ, нѣтъ ли гдѣ по близости большого озера; и когда ему отвѣтили, что есть — Переяславское, въ 120 верстахъ отъ Москвы, то нетерпѣливому Петру хотѣлось бы ѣхать къ озеру въ тотъ же день, и только просьбы матери до времени его отъ этого удержали. При первой же возможности онъ былъ на Переяславскомъ озерѣ и тамъ подъ руководствомъ Бранта выстроилъ уже цѣлую флотилію, при чемъ работалъ самъ, какъ простой плотникъ. Онъ съѣздилъ и на Бѣлое море, въ Архангельскъ, но, уговариваемый своею матерью, сдерживалъ еще свои порывы. Послѣ же смерти Натальи Кирилловны (въ январѣ 1694 г.) весь отдался страсти къ мореплаванію.

Такимъ образомъ съ этого маленькаго бота начался русскій флотъ. Въ 1723 году, когда русскіе корабли уже плавали по всѣмъ

прилегающимъ къ Россіи морямъ, въ Кронштадтѣ былъ сдѣланъ смотръ балтійскому флоту. На этомъ смотре находился и упомянутый ботъ, на которомъ Петръ съ главнѣйшими начальниками флота объѣхалъ всѣ корабли. По окончаніи смотра былъ пиръ, и на этомъ пирѣ Петръ провозгласилъ тостъ за здравіе «маленькаго дѣда большихъ внуковъ». Съ этихъ поръ за ботомъ такъ и осталось названіе «дѣдушки русскаго флота».

Послѣ смотра ботъ помѣщенъ въ кронверкъ Петропавловской крѣпости въ Петербургѣ, гдѣ и сохраняется до сихъ поръ.

V.

Лоцманъ Антипъ Тимоѳеевъ.

Похоронивъ свою мать, Петръ въ маѣ мѣсяцѣ 1694 года быть уже вторично въ Архангельскѣ. Отсюда съ боярами и холмогорскимъ архіепископомъ Аѳанасіемъ отправился онъ къ Соловецкому монастырю. Во время пути случилась такая жестокая буря, что самые опытные моряки отчаялись въ спасеніи. Самъ Петръ, видя неминуемую гибель, причастился Св. Таинъ изъ рукъ архіепископа, но не потерялъ присутствія духа, а ободрялъ всѣхъ, понуждалъ не складывать рукъ и самъ работалъ вмѣстѣ съ другими. По счастію, судномъ управлялъ опытный лоцманъ, стрѣлецъ Соловецкаго монастыря Антипъ Тимоѳеевъ, который также не потерялъ присутствія духа и искусно направлялъ судно среди бушующихъ волнъ. Петръ, подойдя къ нему, сталъ ему помогать совѣтами, но, занятый своимъ дѣломъ, Антипъ грубо сказалъ ему: — Поди, пожалуйста, прочь! Я больше твоего знаю и вѣдаю, куда правлю.

Онъ искусно направилъ судно въ губу, называемую Унскіе Рога, счастливо провелъ его между подводными камнями, которыми губа та наполнена, и благополучно присталъ къ берегу у Пертоминскаго монастыря.

Выйдя на берегъ, Петръ подошелъ къ Антипу и сказалъ ему:

— Помнишь ли, братъ, какими ты словами на суднѣ меня отпотчевалъ?

Антипъ въ страхѣ упалъ къ его ногамъ, сознался въ своей грубости и просилъ прощенія. Великій государь поднялъ его, трижды поцѣловалъ въ голову и сказалъ:

— Ты не виноватъ ни въ чемъ, другъ мой, и я обязанъ еще благодарностію тебѣ за твой совѣтъ и за твое искусство.

И тогда же, переодѣвшись въ сухое платье, все бывшее на немъ, измоченное даже до рубашки, подарилъ Антипу на память и сверхъ того наградилъ его еще тридцатью рублями^[11].

На томъ мѣстѣ, на которомъ Петръ вышелъ на берегъ, онъ поставилъ большой деревянный крестъ, сдѣланный своими руками, и собственноручно вырѣзалъ на немъ надпись на голландскомъ языкѣ: «Dat kruys. maken kaptein Piter, van. a. cht. 1694» (т.-е.: сей крестъ сдѣлалъ шкиперъ Петръ въ лѣто Христово 1694). Этотъ крестъ въ 1805 году перенесенъ въ кафедральный соборъ въ Архангельскѣ, гдѣ до сихъ поръ и сохраняется.

VI.

Вспыльчивость Петра.

Петръ былъ очень вспыльчивъ, и ему стоило большого труда сдерживать порывы своего гнѣва; но, опомнившись, онъ всегда горько раскаивался въ своей горячности.

Во время перваго своего путешествія за границу, въ 1697–98 годахъ, будучи въ Германіи, однажды за обѣдомъ онъ такъ разсердился на какое-то противорѣчіе своего любимца Лефорта, что въ гнѣвъ уже занесъ на него шпагу, но въ тотъ же мигъ опомнился, обнялъ Лефорта и искренно просилъ у него прощенія. Въ подобныхъ случаяхъ онъ съ болью въ сердцѣ говаривалъ:

— О, Боже! въ состояніи будучи исправить народъ мой, я не въ состояніи исправить самого себя.

VII.

Саардамскій плотникъ.

Главную цѣлью перваго путешествія Петра за границу было посѣщеніе Голландіи и изученіе тамъ кораблестроенія. Отъ голландцевъ, которые служили въ Россіи, Петръ наслышался много хорошаго о ихъ странѣ и особенно о городѣ Саардамѣ, откуда родомъ была большая часть этихъ голландцевъ. Поэтому понятно, что, прибывъ въ Голландію, Петру прежде всего хотѣлось побывать въ Саардамѣ, куда онъ и отправился водою на ботѣ всего лишь съ шестью спутниками изъ своей свиты. При этомъ Петръ съ цѣлю скрыть свое званіе одѣлся простымъ матросомъ.

Подъѣзжая къ Саардаму, Петръ увидалъ въ заливѣ на лодкѣ голландца, ловившаго рыбу, и узналъ въ немъ стараго знакомаго, корабельнаго кузнеца, работавшаго прежде въ Воронежѣ — Киста. Петръ окликнулъ его по имени и объявилъ ему, что желаетъ поселиться въ его домѣ подъ чужимъ именемъ; а чтобы не привлечь ничьего вниманія, вышелъ на берегъ, какъ простой матросъ, съ веревкою въ рукѣ, чтобы привязать лодку. На другой день онъ одѣлся въ тамошнее рабочее платье, состоявшее изъ простой байковой красной куртки, бѣлыхъ холстинныхъ шароваръ и лакированной шляпы съ большими полями, и записался въ плотники на корабельную верфь, подъ именемъ Петра Михайлова. Здѣсь онъ скоро перезнакомился со всѣми мастерами и усердно изучалъ ихъ искусство. Каждый день ходилъ онъ на работу съ топоромъ въ рукахъ и дѣлалъ все, что ему приказывали. Работалъ онъ такъ усердно и успѣшно, что скоро былъ удостоенъ званія баса, т.-е. мастера, и это званіе доставляло ему тогда больше удовольствія, чѣмъ всѣ царскіе титулы. И можно сказать, что онъ тогда какъ бы дѣйствительно забылъ, кто онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Живя въ домикѣ Киста, въ квартирѣ, которую раньше его занимала вдова поденщика, онъ своими руками сдѣлалъ себѣ кровать, самъ ходилъ на рынокъ для закупки провизіи, а въ отсутствіе хозяйки разводилъ огонь на очагѣ и готовилъ себѣ кушанье. Такъ же просто держалъ онъ себя и потомъ, въ Амстердамѣ, гдѣ также работалъ на корабельной верфи.

Нѣтъ въ исторіи другого примѣра, говоритъ одинъ иностранный писатель, какъ только этотъ одинъ государь, который сошелъ съ своего престола, чтобы въ образѣ простаго наемника итти работать къ чужому народу — для того только,

чтобы научиться началамъ наукъ и искусствъ и потомъ ввести ихъ въ свое государство.

Память о пребываніи Петра въ Голландіи долго сохранялась между голландцами. Изъ рода въ родъ передавались у нихъ рассказы о московскомъ царѣ, работавшемъ на верфи, какъ простой плотникъ; о томъ, какъ онъ, утомленный трудомъ, отирая потъ со лба, садился на обрубокъ дерева и, опустивъ топоръ между ногъ, дружески бесѣдоваль съ товарищами; охотно разговариваль и съ сторонними посѣтителями, если только называли его Pieter timmermann (Петръ плотникъ), но отворачивался и не отвѣчалъ ни слова, когда привѣтствовали его: государь или ваше величество. Впрочемъ ни въ какомъ случаѣ не любилъ онъ продолжительныхъ разговоровъ и, отдохнувъ нѣсколько минутъ, принимался снова за работу.

Домикъ Киста, въ которомъ жилъ Петръ, до сихъ поръ существуетъ и также прикрытъ каменнымъ навѣсомъ, какъ и нашъ «домикъ Петра Великаго» въ Петербургѣ. Въ 1839 году домикъ Киста посѣтилъ, будучи еще наслѣдникомъ престола, императоръ Александръ II въ сопровожденіи воспитателя своего, поэта В. А. Жуковского. На память объ этомъ посѣщеніи Жуковский написалъ на стѣнѣ домика слѣдующіе стихи:

«Надъ бѣдной хижиною сей
Летаютъ ангелы святыя.
Великій князь! благоговѣй:
Здѣсь колыбель имперіи твоей,
Здѣсь родилась великая Россія».

VIII.

Испытаніе солдатскаго пайка.

Учреждая въ 1699 году новое постоянное войско, вводя въ немъ строгую дисциплину, опредѣляя жалованье солдатамъ и пайки хлѣба, крупъ, соли и прочаго, Петръ не прежде издавалъ законы объ этомъ, какъ испытать возможность выполненія этихъ законовъ. Такъ, прежде чѣмъ издать законъ о солдатскихъ пайкахъ, онъ захотѣлъ на самомъ себѣ испытать, можетъ ли солдатъ быть сытъ тѣмъ пайкомъ. Для этой цѣли онъ на цѣлый мѣсяць принялъ на себя всю солдатскую службу и довольствовался только опредѣленнымъ солдату пайкомъ, ничего другого къ нему не прибавляя. Только послѣ этого испытанія государь сказалъ своимъ приближеннымъ:

— Слава Богу, теперь я увѣрился достовѣрно, что опредѣленный солдату паекъ къ его безнужному продовольствію достаточенъ. Ибо, когда я по возрасту и силамъ моимъ большее количество пищи требую для своего насыщенія, чѣмъ многіе изъ моихъ солдатъ, то, конечно, уже каждый изъ нихъ этимъ пайкомъ будетъ сытъ.

IX.

Дѣла милосердія.

Петръ ежедневно выѣзжалъ въ какое-либо присутственное мѣсто, или на работы, на военныя ученія, въ торговые ряды, или для посѣщенія кого-нибудь. При этомъ всякій разъ, какъ случалось ему встрѣтиться на дорогѣ съ священникомъ, несущимъ Св. Дары къ какому-нибудь больному, государь обыкновенно сходилъ съ своей одноколки или санокъ, смотря по времени года, и, какое бы ни было у него дѣло, откладывалъ его на тотъ часъ, подходилъ къ священнику и, воздавъ Св. Дарамъ благоговѣйное поклоненіе, бралъ священника подъ руку и велъ его въ домъ больного. По причащеніи больного государь подходилъ къ его постели, поздравлялъ съ принятіемъ Св. Таинъ и высказывалъ надежду на скорое выздоровленіе. Мало того, государь послѣ этого ежедневно посылалъ навѣдываться о такомъ больномъ, хотя бы это былъ простой матросъ, солдатъ или самый бѣднѣйшій изъ горожанъ; присланный обыкновенно говаривалъ больному, что государь прислалъ ему здоровья, Если же кто изъ больныхъ былъ бѣденъ, то государь посылалъ къ нему лѣкаря, лѣкарства и денегъ.

Нужно ли говорить, какое цѣлительное дѣйствіе производило на больныхъ такое участіе монарха! И народъ вѣрилъ, что такіе больные обыкновенно выздоравливаютъ. «Онъ не умретъ», говорили въ такихъ случаяхъ: «его государь посѣщаль»).

Х.

Петръ, обвиненный Сенатомъ.

Въ началѣ войны со шведами, въ 1700 г., на пути изъ Москвы подъ Нарву, Петръ остановился однажды для отдыха въ домѣ одного купца. У этого купца былъ сынъ, видный собою молодецъ лѣтъ восемнадцати, который такъ понравился Петру, что онъ пожелалъ его имѣть въ своей гвардіи, однакоже хотѣлъ, чтобы согласился на то самъ отецъ. Для этой цѣли Петръ сталъ просить у него сына, общая составить ему счастье. Купецъ отговаривался отъ этой чести, объясняя государю, что это его единственный сынъ, который служить ему помощникомъ въ торговыхъ занятіяхъ.

— Ты не понимаешь своей и сыновней выгоды, — возразилъ на это Петръ. — Я его полюбилъ, слѣдовательно ты можешь надежно во всемъ на меня положиться; притомъ же ты не навѣки разстанешься съ нимъ, но получишь его обратно и уже офицеромъ, а можетъ-быть увидишь его и въ такой должности, что навсегда останешься благодаренъ мнѣ. Итакъ не противься, другъ мой.

Такой убѣдительною просьбѣ нельзя было не уступить, и государь взялъ съ собой сына купца и записалъ его солдатомъ въ Преображенскій полкъ.

Подъ Нарвою, какъ извѣстно, русская армія была разбита, многіе, и между ними князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ, были взяты въ плѣнъ и отвезены въ Швецію. О сынѣ купца ничего не было извѣстно, и онъ какъ бы пропалъ безъ вѣсти. Несчастный отецъ, пораженный потерей сына, въ которомъ только и полагалъ свое утѣшеніе, впалъ въ несказанную горестъ, отсталъ отъ своего промысла и, непрестанно оплакивая сына, разстроилъ свои дѣла и впалъ въ нужду. Наконецъ лишь въ 1712 году получилъ онъ извѣстіе, что сынъ его находится въ плѣну у шведовъ. Обрадованный отецъ утѣшается надеждою снова увидѣть сына. Узнавъ, что государь находится въ Петербургѣ, онъ поѣхалъ туда и написалъ челобитную на полковника Преображенскаго полка Петра Михайлова, т.-е. на самого государя. Въ этой жалобѣ онъ объяснилъ, какимъ образомъ сынъ его былъ взятъ на службу и какъ обнадеживалъ его при этомъ означенный полковникъ; между тѣмъ сына своего онъ лишился, впалъ отъ этого въ крайнюю нужду, отсталъ отъ своего промысла и разорился, а какъ теперь извѣщенъ онъ, что сынъ его живъ и находится въ плѣну у шведовъ, то и просить выкупить сына и возвратить ему, а за

убытки, понесенные въ такомъ-то размѣрѣ, вознаградить.

Эту челобитную купецъ подалъ самому государю, бывшему въ то время на работахъ въ Адмиралтействѣ. Государь, не узнавъ купца и не принимая челобитной, сказалъ:

— Старикъ! ты знаешь, что есть на то особо учрежденныя мѣста, и ты долженъ подать свою челобитную въ то изъ нихъ, куда она по содержанію своему слѣдуетъ, а меня не беспокоить, ибо и ты долженъ то вѣдать, что самому мнѣ во всякое дѣло входить за множествомъ дѣлъ государственныхъ невозможно.

— Вѣдаю, государь, все это, — отвѣчалъ старикъ, — и знаю указы твои, чтобы самому тебѣ не подавать челобитныхъ; но дѣло, о которомъ я прошу, такого рода, что челобитной моею не приметъ никакое судебное мѣсто, потому что отвѣтчикъ никому не подсуденъ.

Удивленный государь спросилъ:

— Кто же бы это такой былъ?

— Ты самъ, надежа-государь, и на тебя-то престарѣлый и удрученный печалію старецъ бьетъ челомъ.

При этомъ старикъ залился слезами и припомнилъ государю о томъ, какъ взять онъ у него сына, что обѣщалъ при этомъ и что изъ этого вышло.

Услышавъ это, Петръ прочиталъ челобитную и, не говоря ни слова, тотчасъ же самъ написалъ бумагу, изложивъ въ ней всѣ обстоятельства дѣла, но не упоминая именъ ни челобитчика, ни отвѣтчика, и отослалъ эту бумагу въ Сенатъ съ приказаніемъ немедленно разсмотрѣть это дѣло и рѣшить по правдѣ, долженъ ли отвѣтчикъ выкупить сына челобитчика и возратить ему показываемые имъ убытки.

Сенатъ, получивъ такое приказаніе, рѣшилъ, что челобитчикъ лишился сына единственно лишь потому, что положился на увѣреніе отвѣтчика сдѣлать его счастливымъ; отвѣтчикъ же не только не сдержалъ своего обѣщанія, но, лишивши отца сына, столько лѣтъ безъ вѣсти пропадавашаго, былъ еще и причиною всего его несчастія; а потому отвѣтчикъ долженъ: 1) сына того, выкупивъ изъ плѣна, возратить отцу и 2) всѣ показанные отцомъ убытки возмѣстить.

На другой день Петръ, придя въ Сенатъ, потребовалъ рѣшенія дѣла. Прочитавъ же его, объявилъ, что этотъ отвѣтчикъ есть онъ самъ, благодарилъ Сенатъ за справедливое и безпристрастное рѣшеніе и потомъ велѣлъ, во что бы то ни стало, выкупить сына купца. Когда же это было исполнено, то государь произвелъ его въ офицеры гвардіи и возратилъ отцу, и не только вернулъ послѣднему понесенные имъ убытки, но еще сверхъ того щедро наградилъ его. При этомъ государь опредѣлилъ, чтобы сынъ

оставался при отцѣ до самой его смерти, а послѣ этого опять бы
вернулся на службу.

XI.

Совѣтъ пьянаго пушкаря.

Петръ находился въ Новгородѣ, когда было получено имъ извѣстіе о пораженіи нашихъ войскъ подъ Нарвою. Такъ какъ при этомъ вся наша артиллерія досталась непріятелю, то Петръ былъ въ крайнемъ затрудненіи: необходимо было возможно скорѣе отлить новыя пушки, но запаса мѣди для этого не было, а выписывать ее изъ другихъ государствъ — надо было и время и деньги. Размышляя объ этомъ, Петръ видитъ противъ окошекъ своего дома худо одѣтаго человѣка, который ходитъ взадъ и впередъ съ озабоченнымъ видомъ. Петръ посылаетъ спросить, что ему нужно. Тотъ отвѣчаетъ, что пришелъ помочь государеву горю. Тогда Петръ приказываетъ позвать его къ себѣ и спрашиваетъ, какое онъ имѣетъ до него дѣло.

— Всемиловѣйшій государь, — говоритъ тотъ, — прикажите прежде поднести мнѣ чарку вина: умираю съ похмелья, а денегъ нѣтъ ни полушки.

Изъ такой смѣлости государь заключаетъ, что человѣкъ этотъ нѣчто дѣльное сообщить ему хочетъ, и приказываетъ подать ему чарку водки.

— Говори же, — продолжаетъ государь.

— Ваше величество думаете теперь о потерѣ пушекъ и о томъ, гдѣ взять мѣди на вылитіе оныхъ, не правда ли?

Петръ ожидаетъ продолженія такой рѣчи, которая уже началомъ своимъ интересовала его.

— Ну, говори же, что далѣе?

— Ваше величество! прикажите подать другую чарку вина: истинно, не охмелился одною.

Какъ ни досадна должна была быть Петру такая наглость, но содержаніе той рѣчи было довольно важно, чтобы дослушать ее, и потому приказываетъ онъ подать другую чарку.

— Теперь доволенъ, — продолжаетъ опохмелившійся. — Государь, тебѣ не о чемъ думать: мѣди у тебя много. Сколько при церквахъ излишнихъ и ненужныхъ колоколовъ, — кто мѣшаетъ тебѣ взять половину ихъ и употребить на вылитіе столькихъ пушекъ, сколько тебѣ угодно? Нужда государственная важнѣе, нежели множество колоколовъ; и половины ихъ слишкомъ будетъ довольно для того предмета, для котораго они понадѣланы. А послѣ, какъ Богъ-дастъ одолѣешь своего противника, то изъ его же пушекъ понадѣлать можно новыхъ колоколовъ, сколько хочешь. Къ тому же изъ церковныхъ колоколовъ есть много

разбитыхъ и остающихся безъ употребленія.

Выслушавъ это, Петръ улыбнулся и произнесъ:

— Камень, его же небрегоша зиждущій, той бысть во главу угла^[12].

Чѣмъ наградилъ государь этого пьянаго совѣтника — неизвѣстно; извѣстно только, что было поступлено именно такъ, какъ онъ совѣтовалъ, и въ ту же зиму вылиты изъ лишнихъ церковныхъ колоколовъ новыя пушки.

Пьяный этотъ былъ пушечный мастеръ, и одинъ престарѣлый пушкаръ, знакомый его, который былъ того случая очевидцемъ, передавалъ объ этомъ И. И. Голикову, изъ книги котораго «Дѣянія Петра Великаго» и взять этотъ рассказъ.

XII.

Разбитые горшки.

Весною 1702 г. Петръ, получивъ извѣстіе о томъ, что шведы съ большими силами собираются въ Бѣлое море съ цѣлію напасть на Архангельскъ, самъ поѣхалъ туда, чтобы принять мѣры для обороны этого города. Во время пребыванія здѣсь осматривалъ онъ однажды барки, прибывшія изъ Холмогоръ съ различными крестьянскими издѣліями для продажи, и разговаривалъ съ хозяевами барокъ о ихъ жизни и о привезенныхъ ими товарахъ. На одной баркѣ, нагруженной горшками, въ то время, когда Петръ переходилъ по доскѣ, положенной черезъ барку, доска какъ-то подвернулась, и Петръ упалъ на горшки, по счастью безъ вреда для себя, а только перебилъ много горшковъ. Крестьянинъ, которому принадлежала барка, увидавъ это, почесалъ затылокъ и простодушно сказалъ: — Теперь-то, батюшка, не много я повезу домой денегъ.

— А сколько бы ты думалъ выручить за свой товаръ? — спросилъ государь.

Услышавъ отъ крестьянина, что алтынъ бы сорокъ онъ выручилъ, Петръ пожаловалъ ему червонецъ и сказалъ:

— Мнѣ пріятно, что ты не можешь на меня теперь жаловаться.

XIII.

Первый иностранный торговый корабль въ Петербургъ.

Война со шведами, начатая такъ неудачно, затѣмъ постепенно велась все съ большимъ успѣхомъ. Въ маѣ 1703 года Петръ отнялъ у шведовъ мѣстность, гдѣ стоитъ теперь Петербургъ, который и быть заложенъ тогда же, 15 мая, въ день Св. Троицы. Неприкосновеннымъ памятникомъ этого времени остается священный для всѣхъ русскихъ такъ называемый «домикъ Петра Великаго», въ царствованіе Екатерины II прикрытый каменнымъ навѣсомъ. Въ этомъ крохотномъ домикѣ, состоящемъ всего изъ двухъ комнатъ, раздѣленныхъ сѣнями и кухней, Петръ жилъ первое время, пока строился Петербургъ.

Подъ личнымъ руководствомъ царя городъ вырасталъ живо и быстро пріобрѣталъ значеніе, какъ удобный морской портъ для торговыхъ сношеній съ иностранцами, Уже осенью того же года, въ началѣ ноября мѣсяца, прибылъ въ Петербургъ первый голландскій корабль, нагруженный винами и солью. Понятно, какъ обрадовался этому Петръ! Необходимо было послать къ кораблю лоцмана, который бы провелъ его среди мелей въ заливѣ, куда впадаетъ Нева, — и Петръ самъ взялся быть этимъ лоцманомъ. Нарядившись матросомъ, какъ и всѣ прочіе въ его шляпкѣ были одѣты, онъ встрѣтилъ корабль у мелей залива и, поздравивъ шкипера по-голландски съ прибытіемъ его первымъ въ новый портъ, объявилъ, что онъ присланъ отъ губернатора проводить корабль до пристани. Затѣмъ Петръ сѣлъ въ свою шляпку и велѣлъ шкиперу слѣдовать за собою. Такимъ образомъ счастливо провелъ онъ корабль среди мелей и присталъ съ нимъ у пристани, находившейся у дома губернатора, которымъ былъ князь Меншиковъ. Въ этомъ домѣ уже было приготовлено помѣщеніе для шкипера и всѣхъ его матросовъ. Меншиковъ встрѣтилъ ихъ у пристани и пригласилъ всѣхъ къ своему столу, а чтобы они не беспокоились о кораблѣ, то былъ приставленъ къ нему караулъ изъ гвардейскихъ солдатъ.

Уже только сидя за столомъ, шкиперъ и матросы узнали въ своемъ лоцманѣ паря московскаго. Можно представить себѣ ихъ изумленіе! Однако вспомнивъ, что этотъ царь въ бытность свою у нихъ въ Саардамѣ и Амстердамѣ работалъ на ихъ верфяхъ, какъ простой плотникъ, видя его непринужденное обращеніе съ ними, ободрились, сдѣлались смѣлѣе и забыли, что съ ними сидитъ

государь; помогло этому и выпитое вино. Въ то время, какъ они пировали за столомъ, товары ихъ были выгружены съ корабля и перенесены въ амбары Меншикова, и къ нимъ также приставленъ караулъ. По окончаніи пира, когда всѣ, не исключая и самого паря, уже порядкомъ были хмельные, Петръ самъ отвелъ шкипера въ назначенную ему комнату и пожелалъ ему и матросамъ спокойной ночи.

На утро государь явился снова въ домъ Меншикова, успокоилъ шкипера увѣреніемъ, что и товары его, и все, что есть на корабль, охраняется надлежащимъ карауломъ, и далъ ему позволеніе продавать товаръ безпошлинно, по вольной цѣнѣ, и самъ тутъ же купилъ для своего двора значительную часть груза. Примѣру царя послѣдовали вельможи, и въ короткое время весь товаръ былъ раскупленъ съ большою для шкипера прибылью.

Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга и шкиперъ и матросы опять были угощены за столомъ Меншикова, опять былъ съ нимъ государь, который подарилъ шкиперу 500 червонцевъ и каждому матросу по 30 ефимковъ (талеровъ)^[13]. При этомъ сказано было, что слѣдующему кораблю будетъ такой же пріемъ и также награда: шкиперу 300 червонныхъ, матросамъ — по 20 ефимковъ; награда же будетъ выдана и третьему кораблю. Въ заключеніе государь опять самъ проводилъ корабль среди мелей, обнялъ на прощаніе шкипера и пожелалъ всѣмъ счастливаго пути.

Нужно ли говорить, какъ подѣйствовали такой пріемъ и такое обращеніе царя на шкипера и матросовъ? Прощаясь съ царемъ, они были растроганы до слезъ, и ихъ пребываніе въ Петербургѣ представлялось имъ не дѣйствительнымъ событіемъ, а какимъ-то пріятнымъ сновидѣніемъ.

XIV.

Взятіе Нарвы.

Въ 1704 году русскія войска во второй разъ осадили Нарву. Въ это время только что былъ взятъ нами Дерптъ. Осада Нарвы велась успѣшно, гарнизону неоткуда было ждать помощи, и паръ предложилъ коменданту Горну сдаться, обѣщая въ такомъ случаѣ милость всему гарнизону; въ случаѣ же отказа предупреждать, чтобы городъ не разсчитывалъ на пощаду. Гордый комендантъ отвѣчалъ отказомъ и къ этому прибавилъ еще ругательства противъ русскихъ и обидное напоминаніе о ихъ пораженіи подъ Нарвою, говоря, что онъ не сомнѣвается, что Богъ даруетъ ему помощь, какую и въ 1700 году даровалъ, о чемъ русскіе, какъ онъ думаетъ, еще не совсѣмъ позабыли. Петръ приказалъ прочесть этотъ отвѣтъ передъ войсками, а самъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ и было рѣшено взять городъ штурмомъ. 9 августа русскія войска пошли на приступъ, и, несмотря на отчаянное сопротивленіе шведовъ, городъ былъ взятъ. Гарнизонъ заперся въ каменномъ Старомъ городѣ; комендантъ, видя, что дальнѣйшее сопротивленіе бесполезно, приказалъ барабанщикамъ бить сдачу. Но уже было поздно.

Русскіе, разъяренные упорнымъ сопротивленіемъ шведовъ, и слышать ничего не хотѣли. Они ворвались въ послѣднее убѣжище шведовъ, разсѣялись по всему городу — и произошла кровопролитная рѣзня и грабежъ, въ которыхъ никому и ничему не было пощады.

Черезъ два часа въ городъ вѣхалъ самъ царь и приказалъ прекратить кровопролитіе. По городу поѣхали съ этимъ приказаніемъ трубачи, къ уцѣлѣвшимъ домамъ были приставлены караулы. Но трудно было унять освирѣпѣлыхъ солдатъ; какъ опьянѣлые, они забыли всякій страхъ и не хотѣли слушаться приказаній. Тогда Петръ, обнаживъ шпагу, поскакалъ по уликамъ города самъ возстановлять порядокъ. Онъ вырывалъ изъ рукъ солдатъ ихъ несчастныя жертвы, кричалъ, чтобы унялись отъ грабежа и кровопролитія, грозилъ, а одного солдата, не хотѣвшаго его слушать, въ гнѣвѣ закололъ собственною рукою. Войдя въ одинъ домъ, Петръ бросилъ на столъ окровавленную шпагу и сказалъ перепуганнымъ хозяевамъ:

— Не бойтесь: это не шведская, а русская кровь.

Когда порядокъ наконецъ былъ водворенъ, Петръ прибылъ въ городскую ратушу, гдѣ собрались уцѣлѣвшіе граждане. Между ними былъ и комендантъ Горнъ. Петръ подошелъ къ нему и далъ

ему жестокою пощечину.

— Не ты ли, — сказалъ онъ въ гнѣвъ, — виновникъ такъ много и бесполезно пролитой крови! Не имѣя никакой надежды на помощь и никакого средства къ спасенію города, не могъ ли ты уже давно выставить бѣлый флагъ?^[14] Смотри, — сказалъ онъ, указывая на свою шпагу, — этою шпагой я умертвилъ собственнаго моего солдата, чтобы удержать остальныхъ отъ грабежа и убійства, и къ этому они были приведены твоимъ безразсуднымъ упрямствомъ!

По приказанію Петра Горнъ былъ посаженъ въ городскую тюрьму, гдѣ до этого содержались русскіе плѣнные. Здѣсь Горнъ пробылъ въ заключеніи 12 дней, а послѣ перевезенъ въ Россію, гдѣ и оставался въ плѣну около 11 лѣтъ.

XV.

Неблагодарный ученикъ.

5 ноября 1704 года Петръ заложилъ въ Петербургъ Адмиралтейскую верфь. При заложении этомъ находившійся въ русской службѣ голландецъ, якорный мастеръ, представилъ государю одного изъ своихъ русскихъ учениковъ, какъ наиболѣе способнаго, объявилъ его своимъ подмастерьемъ и просилъ о прибавкѣ ему жалованья. Государь ничего не имѣлъ противъ прибавки, но просилъ мастера послѣдить еще за новымъ подмастерьемъ, чтобы вполне убѣдиться въ его умѣни.

Черезъ нѣкоторое время подмастерье самъ подалъ государю просьбу объ обѣщанной прибавкѣ. Петръ милостиво принялъ просьбу, но, прочитывая ее, увидѣлъ, что подмастерье, хвалясь своимъ искусствомъ въ кованьи якорей, прибавлялъ, что теперь государь не имѣетъ нужды въ голландцѣ-мастерѣ и можетъ ему отказать и такимъ образомъ сберечь платимое ему большое жалованье.

Великій государь считалъ неблагодарность однимъ изъ самыхъ презрительнѣйшихъ пороковъ и потому сильно прогнѣвался на просителя, бросилъ бумагу ему въ лицо и грозно сказалъ:

— Негодный человѣкъ! Это ли твоя благодарность къ твоему добродушному мастеру и благодѣтелю, который не только тебя обучилъ, но еще и мнѣ столь усердно одобрялъ и просилъ о прибавкѣ жалованья? Никогда я его не отпущу изъ моей службы, покамѣстъ самъ онъ отъ нея не откажется. А тебѣ, неблагодарный рабъ, не скоро еще придется получать прибавку къ жалованью.

Потомъ велѣлъ этого подмастерья передъ всѣми его товарищами и учениками высѣчь и отослать на другой якорный заводъ.

XVI.

Опрокинутыя рюмки.

Въ 1708 году шведскія войска, подъ начальствомъ своего короля — Карла XII, вступили въ предѣлы Малороссіи. Карль XII, полагаясь на увѣренія малороссійскаго гетмана Мазепы, надѣялся, что вся Малороссія отложится отъ Россіи и соединится съ нимъ, но ошибся въ расчетахъ: къ нему присоединился лишь измѣнникъ Мазепа не болѣе какъ съ двумя тысячами собственнаго своего войска.

Петръ въ это время, противопоставляя Карлу свои силы, непрерывно разъѣзжалъ по малорусскимъ городамъ, бывая всюду, гдѣ присутствіе его было необходимо. Проѣздомъ черезъ Кіевъ отправился онъ въ Кіево-Печерскую лавру, отслушалъ тамъ обѣдню и по окончаніи ея, сопровождаемый свитою, удостоилъ своимъ посѣщеніемъ тамошняго архимандрита въ его кельѣ. По стародавнему русскому обычаю требовалось угостить высокаго посѣтителя, и вотъ по приказу архимандрита одинъ изъ монаховъ внесъ въ келью большой подносъ со множествомъ рюмокъ, наполненныхъ виномъ. Когда онъ подошелъ къ государю, тотъ въ это время разговаривалъ съ окружающими о какомъ-то сраженіи и, не замѣчая подошедшаго, махнулъ рукою и опрокинулъ весь подносъ на себя, Рюмки попадали на полъ и разбились вдребезги.

Многіе изъ присутствующихъ, по суетѣрю, приняли этотъ случай за дурное предзнаменованіе и стали винить монаха за неосторожность. Но умный монахъ — онъ же былъ и человѣкъ ученый — не смущаясь этимъ непріятнымъ приключеніемъ, указалъ на разбитыя рюмки и сказалъ государю:

— Тако сокрушиши, великій государь, силы супостатовъ своихъ!

Петръ улыбнулся и отвѣчалъ:

— Дай Богъ, чтобы пророчество твое сбылось, отче.

Между тѣмъ принесенъ былъ другой подносъ, и государь и всѣ его сопровождавшіе выпили по рюмкѣ.

На слѣдующій годъ, по одержаніи Полтавской побѣды, Петръ опять былъ въ Кіевѣ и, отслушавъ въ той же лаврѣ обѣдню, снова посѣтилъ архимандрита въ его кельѣ. Тутъ онъ велѣлъ позвать того монаха, который опрокинулъ подносъ, и сказалъ ему:

— Пророчество твое, отецъ святой, сбылося: супостаты такъ сокрушены, какъ тѣ рюмки, кои ты сокрушилъ, опрокинувъ на меня.

Затѣмъ похвалилъ онъ въ монахѣ присутствіе духа и

находчивость и тогда же далъ приказаніе посвятить его въ одинъ
изъ лучшихъ монастырей въ архимандриты.

XVII.

Наши учителя въ военномъ искусствѣ.

27 июня 1709 года произошла знаменитая Полтавская битва. Шведы бѣжали, разбитые на голову. Нѣсколько тысячъ ихъ взяты нами въ плѣнъ, и въ числѣ ихъ нѣсколько генераловъ и фельдмаршалъ Реншѣльдъ.

Послѣ боя былъ отслуженъ благодарственный молебенъ и произведена торжественная троекратная пальба изъ всѣхъ пушекъ и ружей. Затѣмъ всѣ сѣли въ палаткахъ обѣдать. Петръ пригласилъ къ своему столу генераловъ, какъ русскихъ, такъ и плѣнныхъ шведскихъ; по его приказанію были также угощаемы въ лагерѣ и шведскіе плѣнные офицеры и солдаты. Петръ милостиво разговаривалъ съ плѣнными генералами, говорилъ о ихъ королѣ, о его несчастіяхъ, хвалилъ храбрость фельдмаршала Реншѣльда и въ знакъ уваженія подарилъ ему свою шпагу.

На послѣдокъ царь, наливши рюмку вина, всталъ и произнесъ тостъ за здоровье своихъ учителей въ военномъ искусствѣ.

— Кто эти учителя? — спросилъ Реншѣльдъ.

— Вы, господа шведы, — отвѣтилъ царь.

— Хорошо же ученики отблагодарили своихъ учителей! — сказалъ фельдмаршалъ.

XVIII.

Вѣротерпимость Петра.

До Петра Великаго русскіе крайне враждебно относились къ иновѣрцамъ. Немногія иновѣрческія церкви, построенныя въ Нѣмецкой слободѣ, едва сохраняли свое существованіе. Съ Петра же Великаго въ русскомъ государствѣ водворилась вѣротерпимость. Онъ не только разрѣшилъ свободное отправленіе богослуженія всѣмъ христіанамъ, къ какому бы вѣроисповѣданію они ни принадлежали, но и позволилъ имъ управляться въ своихъ церковныхъ дѣлахъ независимо отъ православнаго русскаго духовенства. Онъ сказалъ однажды: «Господь далъ царямъ власть надъ народами, но надъ совѣстью людей властенъ одинъ Христосъ».

Такъ же снисходительно относился онъ и къ раскольникамъ, хотя и ясно видѣлъ ихъ заблужденія. Онъ прекратилъ существовавшее до тѣхъ поръ преслѣдованіе ихъ и повелѣлъ духовенству стараться о вразумленіи ихъ доказательствами, основанными на священномъ писаніи и на здоровомъ разумѣ. Но такъ какъ мѣры эти мало помогали обращенію раскольниковъ, то Петръ обложилъ ихъ двойными податями и отличилъ особыми знаками на одеждѣ: четырехугольникомъ изъ краснаго сукна на спинѣ и козыремъ (стоячимъ воротомъ) изъ желтаго, надѣясь, не поможетъ ли въ этомъ случаѣ стыдъ отстать имъ отъ своихъ заблужденій. Но какъ и это средство не помогало, то и оставилъ онъ ихъ въ покоѣ; если же и были все-таки при немъ преслѣдованія раскольниковъ, то причиною этого служили не ихъ вѣрованія, а упорное ихъ сопротивленіе нововведеніямъ царя.

Однажды, будучи на биржѣ, Петръ увидѣлъ между другими купцами нѣсколькихъ калужскихъ купцовъ въ упомянутомъ нарядѣ. Государь крайне этому удивился, пожалъ плечами и спросилъ:

— Каковы купцы изъ раскольниковъ и можно ли имъ въ торговлѣ вѣрить?

— Совершенно они таковы, — отвѣчалъ одинъ изъ таможенныхъ начальниковъ.

— Хорошо, — сказали Петръ, — если они подлинно таковы, то по мнѣ пусть вѣруютъ, чему хотятъ, и носятъ свой козырь; и когда уже нельзя ихъ обратить отъ суевѣрія разсудкомъ, то, конечно, не пособить ни огонь, ни мечъ. А мучениками за глупость быть — ни они той чести не достойны, ни государство пользы имѣть не будетъ.

XIX.

Хоть голъ, да правъ!

Одинъ солдатъ изъ новобранцевъ стоялъ на караулъ въ такомъ мѣстѣ, куда, думалъ онъ, не скоро придетъ его командиръ; всего же менѣе ожидалъ онъ самого государя, такъ какъ была обѣденная пора. Постъ былъ на самомъ берегу Невы, и какъ время было жаркое, то часовой и вздумалъ выкупаться. Но только что онъ раздѣлся и вошелъ въ воду, какъ увидалъ идущаго въ его сторону государя и такъ уже близко, что успѣлъ онъ только, выскочивъ изъ воды, надѣть на себя второпяхъ исподнее платье, шляпу и перевязь и, подхвативъ ружье, вытянулся на своемъ посту и отдалъ честь.

По строгости, съ какою Петръ относился къ нарушеніямъ, воинской дисциплины, можно было ожидать, что онъ велитъ наказать виновнаго по всей строгости закона; но вмѣсто того, смотря на виновнаго, не могъ онъ не расхохотаться и сказать сопровождавшимъ его: — Хоть голъ, да правъ!

Затѣмъ спросилъ солдата, давно ли онъ въ службѣ.

— Недавно, — отвѣчалъ тотъ.

— Знаешь ли ты, — продолжалъ государь, — что вельно дѣлать съ тѣми часовыми, которые оставляютъ постъ свой и бросаютъ ружье, какъ сдѣлалъ ты?

— Виновать, — сказалъ часовой.

— Ну, быть такъ! — заключилъ государь, — прощается это тебѣ, какъ новичку; но берегись впредь дерзнуть что-либо подобное сему сдѣлать.

Нерѣдко по ночамъ Петръ объѣзжалъ городъ, чтобы наблюсти за стражей и вообще за порядкомъ въ городѣ. Въ такихъ случаяхъ его сопровождалъ одинъ только денщикъ^[15]. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ, въ январѣ 1710 года, государь проѣзжалъ по московскимъ улицамъ въ 1-мъ часу ночи въ сопровожденіи денщика Полозова, отъ котораго и пошелъ этотъ анекдотъ. Большое освѣщеніе въ одномъ домѣ привлекло вниманіе царя; онъ остановилъ сани и послалъ Полозова узнать, кому принадлежитъ этотъ домъ. Полозовъ, вернувшись, доложилъ, что домъ принадлежитъ одному секретарю.

— Врешь! — сказалъ государь. — Поди удостовѣрься.

Полозовъ, возвратясь, подтвердилъ прежнее показаніе и добавилъ, что секретарь этотъ Помѣстнаго приказа^[16], что сегодня у него были крестины сына и теперь онъ пируетъ съ гостями.

Тогда Петръ въѣзжаетъ безъ шума на дворъ, входитъ въ домъ и, найдя множество гостей, говорить:

— Богъ въ помощь!

Можно себѣ представить, въ какое замѣшательство должны были прійти гости, а особливо самъ хозяинъ! Однакоже государь ласковымъ обращеніемъ успокаиваетъ всѣхъ и говорить хозяину:

— Мнѣ показался необыкновеннымъ свѣтъ въ твоёмъ домѣ, и я изъ любопытства заѣхалъ къ тебѣ, а на крыльцѣ узналъ, что у тебя крестины новородившемуся твоему сыну и что причиною такого свѣта крестинный пиръ, — такъ поздравляю тебя съ сыномъ!

Затѣмъ государь освѣдомился, какое имя дано новорожденному, какова родильница и можно ли ее видѣть, и, предшествуемый хозяиномъ, входитъ въ спальню къ родильницѣ, поздравляетъ ее съ сыномъ, цѣлуется съ нею и кладетъ на зубокъ рубль. Хозяинъ подноситъ его величеству сладкой водки. Но государь, пригубивъ, спросилъ:

— Нѣтъ ли анисовой?^[17]

— Есть, всемилостивѣйшій государь! — отвѣчаетъ хозяинъ.

Налита была анисовая. Государь выпилъ рюмку до половины и, осмотрѣвъ убранство спальни и всѣхъ комнатъ, пожелалъ всѣмъ веселиться и уѣхалъ.

Путру рано посылаетъ онъ своего караульнаго офицера въ домъ секретаря и приказываетъ взять его и привести въ

Преображенскій приказъ^[18].

— Но не потревожь родильницы, — прибавилъ государь, — и для того дождись у воротъ выхода секретаря.

Приказаніе было исполнено. Самъ государь былъ уже въ Преображенскомъ приказѣ. Поблагодаривъ секретаря за вчерашнее угощеніе, онъ спрашиваетъ его, изъ дворянъ ли онъ и имѣть ли помѣстье, и если имѣть, то сколько получаетъ съ него дохода.

Дрожащій секретарь отвѣчаетъ, что онъ не изъ дворянъ, а подьяческій сынъ и что помѣстья и крестьянъ не имѣть.

— Богатую ли взялъ ты за себя жену? — снова спрашиваетъ государь.

— Небогатую.

— Изъ какихъ же доходовъ нажилъ ты такой домъ и такіе дѣлаешь пиры?

Секретарь падаетъ на колѣни и объясняетъ:

— Все, что имѣю, всемилостивѣйшій государь, нажито мною отъ подарковъ помѣщиковъ, имѣющихъ въ приказѣ тяжebныя дѣла.

И, сколько могъ упомнить, объявляетъ именно, сколько кто изъ нихъ далъ ему деньгами и припасами.

Такое чистосердечное признаніе понравилось государю.

— Я вижу, — сказалъ онъ секретарю. — что ты не плутъ, и за признаніе твое Богъ тебя проститъ; но съ тѣмъ однакожь, что если ты изъ пристрастія какого что возьмешь и будешь дѣла волочить, норовя знатному, то поступлено будетъ съ тобою, какъ съ преступникомъ.

Обрадованный такою милостью, секретарь кланяется государю въ землю и клянется, что онъ и прежде не дѣлалъ этого и дѣлать не будетъ, и ни съ кого уже впредь ничего не возьметъ.

— Изъ благодарности послѣ справедливаго рѣшенія дѣла, по коему ты трудился, говоритъ ему снова государь, — можешь присылаемые къ тебѣ запасы взять, но отнюдь не прежде окончанія дѣла и не прижимая тяжущихся. И берегись! — прибавилъ Петръ, погрозивъ ему пальцемъ — отнынѣ всѣ твои поступки не скроются отъ меня.

Потомъ, сосчитавъ получаемое секретаремъ жалованье и законные доходы, включая сюда и добровольно изъ благодарности присылаемые ему отъ дворянъ столовые припасы, Петръ опредѣлилъ, сколько и на что долженъ онъ, секретарь, издерживать, и отнюдь не жить пышно и такихъ пировъ, какой паръ видѣлъ у него, не дѣлать.

— Разсуди, — продолжалъ Петръ, — ежели будутъ дѣлать такіе расходы секретари, то какіе же въ сравненіи съ ними

должны дѣлать судьи, какіе вельможи и какіе самъ государь?

Наконецъ объяснилъ ему, какое зло можетъ произойти отъ расходовъ, несоразмѣрныхъ доходамъ, и какъ нужно удерживать каждого отъ такого расточенія, дабы каждый, по пословицѣ, по одежкѣ протягивалъ ножки.

Послѣ того государь развѣдалъ, что секретарь этотъ дѣйствительно былъ человѣкъ честный, благородный и исправный въ своей должности. Нравоученіе же, данное ему государемъ, было памятно ему во всю жизнь.

XXI.

Освобожденіе князя Я. Ө. Долгорукова изъ плѣна.

Изъ анекдота X мы уже видѣли, что въ числѣ плѣнныхъ, взятыхъ шведами подъ Нарвою въ 1700 году, находился и князь Я. Ө. Долгоруковъ. Онъ пребылъ въ Швеціи до 1711 года, а въ этомъ году освободился изъ плѣна, благодаря своему мужеству. Объ этомъ онъ самъ рассказываетъ въ письмѣ къ царю отъ 30 іюня 1711 года.

До 1705 года всѣ плѣнники находились въ столицѣ Швеціи — Стокгольмѣ, а въ этомъ году ихъ развезли по другимъ городамъ. Жили они въ суровой неволѣ, едва имѣли хлѣбъ насущный, и даже не было у нихъ надежды увидѣть когда-либо родную землю, такъ какъ Карлъ XII упорно не соглашался на размѣнъ плѣнныхъ. Лишь послѣ Полтавской битвы шведы стали договариваться объ этомъ размѣнѣ, и въ 1710 году было рѣшено въ числѣ другихъ размѣнять князя Долгорукова. Въ началѣ слѣдующаго года Долгоруковъ съ товарищами были перевезены въ Финляндію, въ городъ Якобштадтъ, гдѣ пребыли въ ожиданіи размѣна четыре мѣсяца, но вмѣсто того послѣ сказаннаго срока ихъ почему-то повезли снова въ Швецію. Шкуна, на которой они отплыли, за противнымъ вѣтромъ нѣсколько дней простояла среди острововъ въ проливѣ Кваркенѣ. Тутъ-то, по словамъ Долгорукова, Всемилосердный Богъ далъ узникамъ «благой случай и безстрашное дерзновеніе» напасть на сопровождавшій ихъ конвой, обезоружить его и заключить подъ палубу. Устное преданіе — пошедшее отъ одного изъ бывшихъ плѣнныхъ на шкунѣ, олоонецкаго купца Чаблина — рассказываетъ объ этомъ событіи слѣдующимъ образомъ.

Такъ какъ плѣнниковъ на суднѣ находилось болѣе, нежели шведовъ, то это обстоятельство и дало Долгорукову мысль овладѣть шкуной. Онъ сообщилъ о своемъ намѣреніи товарищамъ, и они охотно согласились слѣдовать во всемъ его мужеству и примѣру. Князь назначилъ для выполненія своего предпріятія вечеръ субботы; рѣшено было во время пѣснопѣй вечерней службы, когда запоютъ всемірную славу, при словахъ: «дерзайте убо, дерзайте, людіе Божіи», броситься внезапно на шведовъ и обезоружить ихъ. Надо полагать, что шведы позволили русскимъ пѣть ихъ молитвы, — во всякомъ случаѣ предпріятіе было исполнено, и 3 іюня 1711 года шкуна направилась къ югу,

къ острову Даго, находившемуся уже во власти русскихъ.

Теперь новая бѣда: оказалось, что шкиперъ и штурманъ знали путь только до Стокгольма, а далѣе черезъ Балтійское море пути совсѣмъ не знали, никогда въ тѣхъ мѣстахъ не были и морскихъ картъ съ собой не имѣли. «И то море», говоритъ Долгоруковъ въ своемъ письмѣ, «переплыли мы безъ всякаго вѣдѣнія, управляемые древнимъ бѣдственноплавающихъ кормщикомъ, великимъ отцомъ Николаемъ^[19]: на самое то мѣсто, куда мы намѣрились, онъ, кормщикъ, насъ управиль».

Прибывъ на островъ Даго, Долгоруковъ, по обѣту, данному имъ въ то время, когда задумывалъ свое предпріятіе, отпустилъ шкуну со всѣми бывшими на ней шведами, кромѣ капитана, а самъ направился къ Петербургу, куда и прибылъ 29 іюня, въ день именинъ Петра, а на другой день уже писалъ ему письмо о своемъ избавленіи изъ плѣна. Въ это время Петръ былъ въ походѣ противъ турокъ. «Чудное дѣло!» писалъ онъ Меншикову по поводу избавленія Долгорукова.

По возвращеніи Петра въ Петербургъ Долгоруковъ былъ назначенъ въ 1712 году сенаторомъ.

XXII.

Мы ничего не имѣемъ собственнаго, кромѣ чести.

Полтавское пораженіе не сломило упорства Карла XII, и война со шведами продолжалась — все съ тѣмъ же неизмѣннымъ счастіемъ для русскихъ. Въ 1710 году были взяты нами Рига, Ревель и нѣкоторые другіе принадлежавшіе шведамъ города. Но дѣло осложнилось для насъ другимъ обстоятельствомъ: Карлъ XII возбудилъ противъ насъ турецкаго султана, который въ концѣ 1710 года и объявилъ намъ войну. Петръ употреблялъ всѣ старанія избѣжать этой войны, но усилія его были тщетны, и 22 февраля 1711 года былъ имъ объявленъ манифестъ о войнѣ съ турками. Въ тотъ же день появился указъ объ учрежденіи Правительствующаго Сената, который долженъ былъ управлять государствомъ въ отсутствіе государя, такъ какъ Петръ рѣшилъ лично вести войска въ Турцію.

Война эта была для насъ вполне неудачна. Обманутый увѣреніями валахскаго господаря Бранкована въ помощи, Петръ зашелъ слишкомъ далеко въ непріятельскія земли — и остался безъ провіанта и безъ всѣхъ нужныхъ запасовъ для войска. Передавшійся на нашу сторону и присягнувшій уже на вѣрноподданство Петру молдавскій господарь Димитрій Кантемиръ также не могъ оказать намъ никакой помощи, 9 іюля армія наша была окружена впятеро сильнѣйшимъ турецкимъ войскомъ на берегу рѣки Прута, и хотя всѣ нападенія турокъ были отбиты съ мужествомъ, изумившимъ самихъ враговъ, но долѣе держаться истощенной арміи было невозможно. Въ такой крайности предложили визирю, начальнику турецкаго войска, заключить миръ; въ случаѣ же его несогласія рѣшено было пробиваться сквозь непріятельскую армію силою. Сверхъ всякаго ожиданія визирь, прельщенный поднесенными ему дорогими подарками и видя явное нежеланіе своего войска вступать въ новый бой съ русскими, согласился на предложеніе, и Прутскій миръ былъ заключенъ, хотя и на тяжелыхъ для насъ условіяхъ: такъ Петръ долженъ былъ возвратить туркамъ завоеванный имъ въ 1696 году городъ Азовъ.

Въ числѣ предложенныхъ визиремъ условій было и требованіе выдачи Кантемира, находившагося со своимъ семействомъ въ русскомъ станѣ. Но Петръ безъ всякихъ колебаній отвергъ это условіе, сказавъ:

— Я лучше оставлю туркамъ землю, простирающуюся до Курска, уступивъ оную: надежда мнѣ остается снова ее возвратить; но нарушеніе даннаго слова невозвратно. Я не могу онаго преступить и предать князя, оставившаго свои владѣнія изъ любви ко мнѣ. Мы ничего не имѣемъ собственнаго, кромѣ чести. Отступить отъ нея — значитъ перестать быть государемъ.

Получивъ такой рѣшительный отвѣтъ, визирь не настаивалъ болѣе на этомъ условіи.

Кантемиръ навсегда покинулъ родину и переѣхалъ жить въ Россію. Сынъ его, Антіохъ Кантемиръ, былъ извѣстнымъ русскимъ писателемъ, «Сатиры» котораго до сихъ поръ служатъ предметомъ изученія на урокахъ словесности.

XXIII.

Петръ, обвиненный рижскимъ магистратомъ.

18 ноября 1711 года Петръ впервые посѣтилъ завоеванную у шведовъ Ригу. Онъ пребылъ здѣсь до 7 декабря и это время посвятилъ устройству порядка новыхъ своихъ подданныхъ. Генераль-фельдмаршаловъ графа Шереметева и князя Меншикова, благодаря соединеннымъ дѣйствіямъ которыхъ и была взята Рига, тогда же наградилъ онъ пожалованіемъ не малаго числа гаковъ (земельныхъ участковъ) въ завоеванной землѣ.

Одинъ изъ гаковъ, доставшійся князю Меншикову, принадлежалъ рижскому гражданину, который не зналъ за собою никакой вины. Онъ рѣшился пойти къ своему новому государю и объяснить ему, что онъ ни въ чемъ передъ его величествомъ не провинился и, кажется, ни малѣйшей не подалъ причины къ его гнѣву, и потому не можетъ понять, за что родовой его гакъ у него отнять и отданъ князю Меншикову.

Государь терпѣливо его выслушалъ и сказалъ:

— Ежели ты правъ, то можешь принадлежащее тебѣ отыскивать судомъ.

— Но на кого и гдѣ я могу жаловаться?

— На Меншикова и въ здѣшней ратушѣ^[20], — отвѣчаль государь. — Если же дѣло это коснется и до меня, то и я долженъ буду отвѣтствовать: ибо кто находится здѣсь, то, кто бы онъ ни былъ, долженъ подлежать и законамъ здѣшнимъ.

Удивленный такимъ отвѣтомъ и не видя въ государѣ ни малѣйшаго гнѣва, гражданинъ спрашиваетъ:

— Итакъ, все милостивѣйшій государь, вы позволяете мнѣ подать жалобу?

— Никто не можетъ отнять у тебя права защищать себя, — отвѣчаетъ Петръ.

Тогда гражданинъ, написавъ прошеніе на князя Меншикова, какъ на захватившаго силою наслѣдственный его гакъ, подаетъ это прошеніе въ ратушу. Но судьи не принимаютъ прошенія, объясняя, что гакъ пожалованъ князю по именному указу государя. «Слѣдовательно», заключили судьи, «жалоба твоя касается особы самого государя, а государя судить мы не можемъ».

Гражданина объявляетъ судьямъ, что онъ объяснялся съ

самимъ царемъ и что его Величество приказаль ему подать просьбу именно въ ратушу. Послѣ многихъ разсужденій прошеніе наконецъ было принято, разсмотрѣно членами магистрата, и найдено, что дѣйствительно какъ принадлежитъ просителю и что въ указѣ, которымъ пожалованы князю Меншикову гаки, не только не объявлена вина просителя, но даже не упомянуто его имени. Вслѣдствіе этого одинъ изъ членовъ ратуши отправленъ къ его свѣтлости съ донесеніемъ, что подана на него просьба и что по здѣшнимъ законамъ долженъ онъ прійти въ ратушу и выслушать жалобу и судейскій приговоръ. Князь отвѣчаетъ на это, что така онъ и не думаль отнимать отъ просителя, а пожалованъ онъ ему государемъ.

Обо всемъ этомъ чрезъ члена ратуши доложено было Петру, и Петръ подтвердилъ справедливость отвѣта Меншикова.

— Такъ что же, ваше величество, приказать изволите? — спрашиваетъ присланный членъ.

— Дѣлайте то, — отвѣчаетъ Петръ, — что законы ваши повелѣвають. И если какъ тотъ дѣйствительно принадлежитъ просителю, то я долженъ быть отвѣтчикомъ.

— Въ такомъ случаѣ, всемилостивѣйшій государь, должно будетъ вашему величеству самому пожаловать въ ратушу къ отвѣту.

— Хорошо, — сказалъ государь, — когда пришлете мнѣ повѣстку, я буду.

Теперь судьи разсмотрѣли дѣло вновь и приговорили возвратить какъ его законному владѣльцу. Государю послана повѣстка.

Въ назначенное время Петръ отправился въ ратушу. Члены магистрата встрѣтили его у крыльца. Онъ вошелъ съ ними въ присутственную залу и приказаль имъ сѣсть, а на особомъ стулѣ и самъ сѣлъ. Прочли ему дѣло и спросили, не имѣетъ ли онъ къ этому что-нибудь прибавить? И когда государь отвѣтилъ, что не имѣетъ, тогда прочтенъ былъ законъ, по которому повелѣвалось не быть въ палатѣ при заключеніи дѣла ни просителю, ни отвѣтчику, — и Петръ вышелъ въ другую комнату. Въ отсутствіе его было сдѣлано окончательное заключеніе, и отвѣтчикъ обвиненъ. Опять позвали Петра въ присутствіе и прочли заключеніе.

Великій государь, выслушавъ приговоръ, поблагодарилъ судей за безпристрастіе, поцѣловаль каждого въ голову и сказалъ, что когда онъ самъ, государь ихъ, повинуется ихъ закону, то да не дерзнетъ никто противиться оному. Итакъ какъ былъ возвращенъ просителю.

Объ этомъ происшествіи Голиковъ слышалъ отъ своего

товарища по торговлѣ — купца Ивана Волкова, а Волкову рассказывалъ въ 1765 году самъ престарѣлый владѣлецъ гака, бывшій въ то время въ той же самой ратушѣ ратсгеромъ^[21]; рассказывая, онъ не могъ удержаться отъ слезъ умиленія при воспоминаніи о справедливости, оказанной ему покойнымъ монархомъ.

XXIV.

Катериненталь.

По завоеваніи Ревеля Петръ развелъ въ немъ, на берегу моря, на казенный счетъ большой увеселительный паркъ — съ прудами, островками на нихъ, фонтанами, статуями, съ прекраснымъ увеселительнымъ замкомъ и другими строеніями въ италіанскомъ вкусѣ. Паркъ этотъ въ честь второй жены своей, Екатерины Алексѣевны, назвалъ онъ Катериненталемъ^[22].

По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ пріѣхалъ онъ опять въ Ревель, когда паркъ уже разросся и представлялъ прекрасное мѣсто для прогулокъ. Прогуливаясь въ немъ, Петръ былъ чрезвычайно удивленъ, что не видитъ здѣсь никого изъ городскихъ жителей.

— Какая тому причина, что никто изъ горожанъ здѣсь не прогуливается? — спросилъ онъ часового.

— Намъ не вѣльно, — отвѣчалъ тотъ, — никого сюда пропускать.

— Какъ! — воскликнулъ изумленный государь, — какой дуракъ вамъ это вѣлѣлъ?

— Наши офицеры, — отвѣчалъ часовой.

Петръ обратился къ бывшимъ при немъ и сказалъ:

— Какіе глупцы! Они думаютъ, что я для себя одного, а не для всѣхъ людей съ такими расходами завелъ это увеселительное мѣсто.

На другой же день съ барабаннымъ боемъ было обнародовано въ городѣ повелѣніе государя, что всѣмъ, кто хочетъ, дозволяется гулять въ Катериненталь; а часовые должны только наблюдать, чтобы не произошло какихъ безпорядковъ и чтобы изъ шалости не испортилъ кто деревья или украшеній сада.

Катериненталь до сихъ поръ служитъ жителямъ Ревеля прекраснымъ мѣстомъ для лѣтнихъ прогулокъ.

Осенью 1712 года Петръ ъздилъ за границу, въ Карлсбадъ, для пользованія тамошними водами. На пути сюда остановился онъ въ саксонскомъ городѣ Виттенбергѣ. Здѣсь онъ осматривалъ герцогскій замокъ, въ которомъ нѣкогда жилъ Лютеръ и въ церкви котораго погребенъ. Увидавъ тутъ статую Лютера, Петръ сказалъ между прочимъ бывшимъ при немъ:

— Сей мужъ подлинно заслужилъ эту честь. Онъ для величайшей пользы своего государства и многихъ князей, кои были поумнѣе прочихъ, на папу и на все его воинство столь мужественно наступалъ.

Потомъ государь осматривалъ библіотеку Лютера и ту комнату, въ которой онъ жилъ. Провожавшіе Петра пасторы показали ему чернильное пятно на стѣнѣ этой комнаты, объяснивъ, что когда Лютеръ трудился здѣсь надъ переводомъ бібліи на нѣмецкій языкъ, то ему явился дьяволъ, и Лютеръ бросилъ въ него чернильницей, и что чернильное пятно на стѣнѣ сохранилось съ тѣхъ поръ.

Петръ очень смѣялся надъ этимъ рассказомъ и сказалъ:

— Неужели сей разумный мужъ вѣрилъ, что дьявола видѣть можно?

Затѣмъ онъ внимательно осмотрѣлъ пятно и замѣтилъ, что чернила были свѣжія и даже сыроваты. Поэтому, когда пасторы просили его, чтобы онъ на память о своемъ посѣщеніи благоволилъ что-нибудь написать на стѣнѣ, Петръ написалъ:

«Чернила новыя, и совершенно сіе неправда. Петръ».

XXVI.

Слишкомъ велика кухня!

Окончивъ курсъ лѣченія въ Карлсбадѣ, Петръ на возвратномъ пути посѣтилъ, 1-го ноября, Теплицъ, славящійся также своими цѣлебными минеральными источниками. Владѣтели этихъ источниковъ, графы Вальдеки, встрѣтили государя и просили его сдѣлать имъ честь посѣщеніемъ ихъ замка и тамъ пообѣдать. Государь согласился и по осмотрѣ источниковъ явился въ замокъ. Хозяева употребили всѣ старанія къ наивозможно великолѣпному приему такого знаменитаго гостя. Столъ былъ роскошный и продолжался очень долго. Все это нисколько не соотвѣтствовало простымъ вкусамъ и привычкамъ нашего великаго государя, и онъ порядкомъ соскучился за этимъ обѣдомъ. По окончаніи стола хозяева пригласили его осмотрѣть замокъ. Петръ осматривалъ все со свойственнымъ ему любопытствомъ. Послѣ осмотра старшій изъ графовъ, желая знать его мнѣніе, спросилъ, какъ понравился ему замокъ. Петръ отвѣчалъ, что замокъ великолѣпенъ, только есть въ немъ одинъ недостатокъ.

— Какой же? — спросилъ графъ.

— Слишкомъ велика кухня! — отвѣтилъ ему Петръ.

До Петра у насъ совсѣмъ почти не было книгъ научнаго содержанія и всѣ имѣвшіяся книги были главнымъ образомъ богословскаго содержанія. Вывода Россію на путь просвѣщенія, Петръ употреблялъ много заботъ о томъ, чтобы были переводимы съ иностранныхъ языковъ на русскій лучшія книги по всѣмъ отраслямъ знанія. Одною изъ такихъ книгъ, назначенною имъ самимъ къ переводу, было Пуффендорфово «Введеніе въ исторію европейскую». Переводъ этой книги былъ порученъ Петромъ извѣстному ученому іеромонаху — Гавріилу Бужинскому, съ приказаніемъ перевести наивозможно скорѣе. Бужинскій приложилъ къ труду всевозможное стараніе и изготовилъ переводъ въ нѣсколько мѣсяцевъ. Въ надеждѣ получить отъ государя одобреніе и хорошую награду явился онъ съ своимъ переводомъ и подлинникомъ, съ котораго переводилъ, къ царю на пріемъ.

Когда государь вышелъ въ пріемную и увидѣлъ среди другихъ явившихся Бужинскаго, то подошелъ къ нему, сталъ милостиво съ нимъ разговаривать и спросилъ, скоро ли онъ окончитъ свой переводъ.

— Вотъ онъ уже готовъ, всемилостивѣйшій государь! — отвѣчалъ Бужинскій.

Обрадованный государь взялъ у него рукопись и съ довольнымъ видомъ сталъ ее перелистывать. Видно было, что онъ ищетъ какого-то опредѣленнаго мѣста. Наконецъ онъ остановился. Но тутъ по мѣрѣ чтенія лицо его постепенно начало измѣняться и дѣлаться все болѣе и болѣе гнѣвнымъ.

— Глупецъ! — сказалъ онъ съ негодованіемъ Бужинскому, — что я тебѣ приказалъ съ сею книгою сдѣлать?

— Перевести, — отвѣчалъ оробѣвшій Бужинскій.

— А развѣ это переведено? — и государь указалъ ему главу о русскомъ государствѣ. Въ этой главѣ у автора говорилось въ нелестномъ для насъ видѣ о нравахъ русскаго народа. Бужинскій не рѣшился перевести эту главу цѣликомъ и выпустилъ изъ нея тѣ мѣста, которыя ему казались оскорбительными для нашей чести, а иныя мѣста передѣлалъ, такъ что отзывы получились благопріятные.

Переводъ этотъ государь отдалъ Бужинскому обратно и сказалъ ему:

— Тотчасъ поди и сдѣлай то, что я тебѣ приказалъ, и

переведи книгу вездѣ такъ, какъ она въ подлинникѣ есть.

Приказаніе это было исполнено, и книга Пуффендорфа была переведена отъ слова до слова и потомъ въ такомъ видѣ напечатана въ 1718 году, съ посвященіемъ ея государю. Интересно, что при Аннѣ Іоанновнѣ переводъ этотъ былъ запрещенъ и изъятъ изъ продажи, а при Елисаветѣ Петровнѣ вновь былъ сдѣланъ переводъ той же самой книги, но помянутыя мѣста были уже выпущены.

XXVIII.

Производство Петра въ чины.

Мы уже видѣли, какъ Петръ проходилъ чины въ арміи, начавъ съ самыхъ низшихъ должностей; такъ же проходилъ онъ и службу во флотѣ. И это не было какою-нибудь шуткою, игрою, недостойною такого великаго государя, — нѣтъ, всякое повышение въ чинъ обуславливалось какою-нибудь дѣйствительною заслугою Петра. Какъ медленно шло это производство, можно видѣть изъ того, что во время Полтавской битвы Петръ былъ только полковникомъ и лишь за эту битву произведенъ въ генераль-майоры^[23]; чинъ же полнаго генерала онъ получилъ лишь въ 1713 году, а морской чинъ адмирала — только по окончаніи войны со шведами, въ 1721 г.

По чинамъ Петру производилось и жалованье. Получивъ однажды таковое, онъ сказалъ окружающимъ:

— Сіи деньги — собственныя мои; я ихъ заслужилъ и употреблять могу по произволу. Но съ государственными доходами поступать надлежитъ осторожно: объ нихъ я долженъ буду нѣкогда дать отчетъ Богу.

Разъ, въ 1717 году, Петръ, будучи на одномъ пиру, завель съ окружающими разговоръ о царствованіи своего отца. Невольно при этомъ перешли на сравненіе дѣлъ этого царствованія съ дѣлами самого Петра. Графъ Мусинъ-Пушкинъ сталъ выхвалять дѣла Петра и унижать дѣла Алексѣя Михайловича, говоря, что если и было что при послѣднемъ хорошее, то это надо приписать не самому царю, а тѣмъ лицамъ, которыя стояли во главѣ правленія, напр. боярину Морозову.

Петру такое сравненіе не понравилось, и онъ, выслушавъ Мусина-Пушкина, сказалъ ему: — Ты хулою дѣлъ моего отца и лицемѣрною мнѣ похвалою болѣе меня бранишь, нежели я стерпѣть могу!

Затѣмъ всталъ изъ-за стола, подошелъ къ князю Я. Ө. Долгорукову, сталъ за его стуломъ и сказалъ:

— Дядя! я знаю, что ты больше всѣхъ бранишь меня и такъ тяжело иногда спорами своими досаждаешь, что я едва стерпѣть могу; но какъ разсужу, то увижу, что ты меня и государство вѣрно любишь и правду говоришь, почему я тебя внутренно и благодарю. Нынѣ же тебя спрошу и вѣрю, что ты о дѣлахъ отца моего и моихъ нелицемѣрную правду мнѣ скажешь.

Долгоруковъ отвѣчалъ на это:

— Изволь, государь, сѣсть, а я подумаю.

Петръ сѣлъ подлѣ него, а всѣ присутствующіе приготовились слушать, что скажетъ этотъ надобѣвшій многимъ строгій обличитель всякой неправды. Долгоруковъ, подумавши немного и по привычкѣ разглаживая свои большіе усы, началъ такъ:

— Государь! сей вопросъ нельзя кратко изъяснить, потому что дѣла разныя: въ иномъ отецъ твой, а въ иномъ ты больше хвалы и благодарности нашей заслуживаешь. Главныя дѣла государей, по которымъ они достойны славы, три. Первое: внутреннее управленіе, и главное дѣло ваше есть правосудіе. Въ этомъ отецъ твой больше сдѣлалъ, нежели ты: онъ далъ намъ «Уложеніе»^[24], по коему и нынѣ мы судимся; но когда и ты этимъ дѣломъ займешься, то можетъ-быть превзойдешь и отца, и пора уже тебѣ о томъ подумать. Второе: военныя дѣла. Отецъ твой много чрезъ нихъ хвалы удостоился и пользу великую государству принесть, тебѣ же учрежденіемъ нѣсколькихъ регулярныхъ полковъ путь показалъ; послѣ него несмысленные правители почти всѣ учрежденія эти разорили, и ты, почитай, все вновь сдѣлалъ и

войско въ лучшее состояніе привелъ; однакожь я, много думая о томъ, еще не знаю, кого болѣе хвалить, но конецъ войны твоей со шведами прямо намъ то покажетъ. Третье: въ устроении флота, въ союзахъ и въ сношеніяхъ съ иностранными государствами ты гораздо большую пользу государству и честь себѣ пріобрѣлъ, нежели отецъ твой, и все сіе самъ, надѣюсь, за правду примешь. Что же касается того, что разсуждаютъ, яко бы дѣла государей только отъ того зависятъ, какихъ они министровъ имѣютъ, умныхъ или глупыхъ, то я не такъ разумѣю: мудрый государь умѣетъ и избирать мудрыхъ совѣтниковъ и наблюдать ихъ вѣрность; у него не могутъ быть глупые министры, потому что онъ о достоинствѣ каждаго можетъ разсудить и умѣетъ различить правые совѣты отъ неправыхъ и вредныхъ.

Петръ съ большимъ вниманіемъ все это выслушалъ, затѣмъ расцѣловалъ Долгорукова и сказалъ ему:

— Благій рабе и вѣрный, въ малѣ былъ ми еси вѣренъ, надъ многими ты поставлю.

Такою прямою отличался Долгоруковъ во всѣхъ своихъ поступкахъ и тѣмъ привлекъ къ себѣ любовь и уваженіе государя. «Князь Яковъ», говорилъ про него Петръ, «въ Сенатѣ прямой помощникъ; онъ судить дѣльно и мнѣ не потакаетъ, безъ краснбайства рѣжетъ прямо правду, не смотря на лицо». Но окружающимъ царя, особенно Меншикову, такая прямота «умника» Долгорукова не особенно нравилась, и они употребляли всѣ средства, чтобы возбудить противъ него гнѣвъ государя, но не могли успѣть въ этомъ, хотя Долгоруковъ часто подавалъ поводы къ неудовольствію на него Петра и иногда жестоко испытывалъ его терпѣніе. Это всего лучше покажетъ намъ слѣдующій анекдотъ.

XXX.

Кн. Я. Ѳ. Долгоруковъ оспариваетъ рѣшеніе Сената.

Однажды оказалось, что въ провіантскихъ магазинахъ Петербурга осталось муки для войска только на одинъ мѣсяць. Если бы закупить всю нужную муку у петербургскихъ купцовъ, то остатка не хватило бы для жителей Петербурга. На скорую же доставку хлѣба откуда бы то ни было нельзя было разсчитывать: онъ могъ быть въ Петербургѣ не ранѣе двухъ-трехъ мѣсяцевъ.

Въ такомъ затрудненіи Петръ приказалъ Сенату озаботиться изысканіемъ средствъ для предупрежденія могущаго быть недостатка въ хлѣбѣ и отсюда неминуемаго голода.

Сенатъ по обсужденіи этого вопроса могъ сыскать только одно средство: собрать муку съ крестьянъ ближайшей къ Петербургу губерніи — Новгородской, по четверику съ души. Государь, занятый безчисленными заботами, не имѣлъ времени хорошенько обсудить это рѣшеніе и одобрилъ его, приказавъ немедленно составить объ этомъ опредѣленіе и по нему указы, которые и разослать, куда слѣдуетъ. Вслѣдствіе этого составлено опредѣленіе, подписано всѣми сенаторами, кромѣ князя Я. Ѳ. Долгорукова, котораго на то время въ Сенатѣ не было, и заготовлены указы. Но такъ какъ опредѣленія Сената должны были быть подписаны непременно всѣми сенаторами, чтобы получить законную силу, то и указы не могли быть разосланы, пока князь Долгоруковъ не подпишетъ опредѣленіе.

Наконецъ приѣзжаетъ и Долгоруковъ. Ему подають опредѣленіе, объясняютъ, въ чемъ дѣло, и просятъ подписать, чтобы дать возможность скорѣе разослать указы, такъ какъ дѣло не терпитъ отсрочки. Долгоруковъ прочиталъ опредѣленіе, потребовалъ сургуча и огня, собралъ всѣ заготовленные указы и вмѣстѣ съ опредѣленіемъ положилъ въ пакетъ, запечаталъ его и, ни слова не говоря, вышелъ изъ Сената и поѣхалъ къ обѣднѣ ^[25].

Удивленные такимъ поступкомъ князя, нѣкоторые сенаторы сожалѣли о немъ, а большая часть радовались въ душѣ, что этотъ «умникъ» непременно подпадетъ подъ тяжкій гнѣвъ государевъ. Тотчасъ донесли объ этомъ Петру, который находился въ Адмиралтействѣ; при этомъ было разъяснено государю, что князь уже не первый разъ дѣлаетъ подобныя помѣхи въ рѣшеніяхъ Сената и даже дерзаетъ иногда итти противъ воли государя, какъ это есть и въ настоящемъ случаѣ.

Петръ, прочитавши донесеніе, страшно разгнѣвался, пріѣхалъ тотчасъ въ Сенатъ и, узнавъ, что Долгоруковъ у обѣдни, послалъ за нимъ въ церковь, чтобы онъ немедленно явился въ Сенатъ.

Посланный отправился въ церковь, подошелъ къ князю и передалъ ему монаршее приказаніе.

Князь отвѣтилъ:

— Слышу.

И болѣе никакого другого отвѣта посланный отъ него добиться не могъ.

Между тѣмъ Петръ, видя, что Долгоруковъ не является, послалъ за нимъ другого посланнаго, но и этотъ получилъ такой же отвѣтъ и, не смѣя явиться безъ князя, остался въ церкви.

По мѣрѣ того, какъ шло время, раздраженіе Петра усиливалось. Этимъ воспользовались враги Долгорукова, чтобы вооружить противъ него государя. Одни изъ нихъ, пожимая плечами, какъ бы про себя говорили:

— Какое дерзкое упорство!

Другіе говорили уже прямо государю:

— Ваше величество сами можете изъ такого непослушанія волѣ вашей понять, какую же мы должны сносить постоянно досаду отъ его упорства и противорѣчія; онъ причиняетъ намъ только всегдашнюю остановку въ дѣлахъ и всѣ наши резоны съ презрѣніемъ отвергаетъ.

Раздраженный и вмѣстѣ огорченный до крайности всѣмъ этимъ, государь посылаетъ за Долгоруковымъ въ третій разъ и приказываетъ сказать ему, что если онъ и съ этимъ посланнымъ не явится, то пусть знаетъ, что поступлено будетъ съ нимъ, какъ съ ослушникомъ верховной власти.

Посланный, явившись въ церковь, передаетъ все это Долгорукову. Но тотъ, не отвѣчая ничего, молится, произнося вслухъ слова Христовы: «Воздадите Божія Богу, а кесарева кесареви». Посланный спрашиваетъ, что же онъ прикажетъ донести государю?

— Донеси, — сказалъ князь, — все, что ты видишь и слышишь.

Тотъ такъ и дѣлаетъ — является въ Сенатъ и передаетъ государю отвѣтъ Долгорукова и слышанныя имъ на молитвѣ слова. Между тѣмъ обѣдня кончилась, и вскорѣ за посланнымъ является въ Сенатъ и самъ Долгоруковъ.

Раздраженный Петръ подбѣгаетъ къ нему, схватываетъ его за воротъ одною рукою, а другою выхватываетъ свой кортикъ и говоритъ:

— Ты долженъ умереть, какъ противникъ государевъ и ослушникъ воли и повелѣнія его!

На это князь, не теряя присутствія духа, раскрываетъ сбою грудь и спокойно произноситъ:

— Вотъ грудь моя! Я безъ ужаса готовъ принять смерть за правду, и ты будешь Александръ, а я Клитъ^[26].

При этихъ словахъ у Петра опустились руки; онъ быстро отошелъ отъ Долгорукова, потомъ, поглядѣвъ ему въ глаза съ полминуты, сказалъ:

— Какъ осмѣлился ты остановить опредѣленіе, утвержденное уже мною?

— Ты самъ повелѣлъ мнѣ, — отвѣчалъ князь, — представлять тебѣ истину и стараться о пользѣ твоей и твоего народа, такъ могу ли я по совѣсти исполнить то, что противно истинѣ и пользѣ твоей и народной?

Государь, уже смягченный такимъ отвѣтомъ, спросилъ:

— Но гдѣ жъ возьмемъ мы хлѣбъ? Развѣ хочешь ты видѣть печальное слѣдствіе голода.

— Нѣтъ, государь, сохрани насъ отъ того Богъ! И средство къ отвращенію мнимой сей опасности не стоитъ такого безпокойства, въ какомъ я теперь вижу тебя и сихъ господъ, — сказалъ Долгоруковъ, указывая на сенаторовъ. — Средство это, — продолжалъ онъ, — въ нашихъ рукахъ, и если бы господа Сенатъ^[27] подумали поусерднѣе, то сами нашли бы его. Въ этомъ была бы еще и та выгода, что подданные твои Новгородской губерніи, болѣе другихъ понесшіе тягости отъ войны, не будутъ обременены новымъ налогомъ.

— Какое же это средство? — спросилъ уже совсѣмъ успокоившійся Петръ.

— Изволь-ка състь, Петръ Алексѣевичъ, — сказалъ Долгоруковъ, — и я тебѣ скажу, гдѣ взять хлѣбъ.

Петръ и всѣ сенаторы сѣли.

— Провіантъ твой, — такъ началъ Долгоруковъ, — будетъ здѣсь не прежде, какъ черезъ два мѣсяца, а до того времени есть у меня запасъ муки, изъ котораго мнѣ на продовольствіе за это время нужна только половина или немного болѣе; слѣдственно около половины есть у меня излишняго. У князя Меншикова, за всѣми его расходами, какъ я заподлинно знаю, останется еще гораздо больше этого; у адмирала^[28] тожъ; у того и того столько-то (Долгоруковъ назвалъ всѣхъ поименно). Теперь разочти: у всѣхъ вмѣстѣ излишней муки останется еще больше, нежели тебѣ нужно до прибытія ожидаемаго провіанта. Вотъ этотъ-то излишекъ и возьми у насъ, и такимъ образомъ никакой нужды не будетъ. А какъ прибудетъ ожидаемый хлѣбъ, то всѣмъ намъ можешь возвратитъ новою мукою; мы же еще довольны будемъ, что вмѣсто лежалой получимъ свѣжую. Такимъ образомъ войско

твое и всё снабжены будутъ, а бѣдные крестьяне новгородскіе не понесутъ излишней тягости. Да не думаешь ли ты, государь, продолжалъ князь, — чтобъ крестьянинъ могъ въ такомъ случаѣ раздѣлаться однимъ четверикомъ? Нѣтъ! ему мало будетъ на эту раздѣлку и двухъ. Воры комиссары сыщутъ къ тому средства; они подъ предлогомъ, что мука дурна, прогоркла и прочее, не станутъ ее принимать, и крестьянинъ принужденъ будетъ съ поклонами просить, чтобъ хоть вдвое, да взяли, только бы его не мучили. А какъ я уже сказалъ, что Новгородская губернія отъ войны гораздо болѣе передъ другими понесла отягощеній и многіе изъ тамошнихъ крестьянъ съ нуждою едва и себя съ семействами своими прокармливаютъ, то разсуди самъ, какая бы это была для нихъ тягость!

Государь выслушалъ все это съ величайшимъ вниманіемъ; потомъ, обратясь къ сенаторамъ, которые всё молчали, сказалъ:

— Что жъ вы молчите и не противорѣчье? Правду ли онъ говоритъ, или нѣтъ?

Тогда принуждены были всё признаться, что князь говоритъ дѣльно и справедливо, и изъявили готовность отдать всё свои излишки муки.

— Вижу я, — сказалъ тогда Петръ, смотря на нихъ, — что можно вамъ упорство и противорѣчія его сносить.

Потомъ онъ поблагодарилъ Долгорукова, признался въ своей опрометчивости, что положился на представленное ему мнѣніе Сената, раскаялся въ своемъ напрасномъ гнѣвѣ на князя и просилъ въ томъ у него прощенія.

Въ другомъ подобномъ случаѣ Петръ, выслушавъ мнѣніе Долгорукова, поцѣловалъ его въ голову и сказалъ:

— Спасибо, дядя! Ты, право, умнѣе меня, и не напрасно называютъ тебя «умникомъ».

На это князь отвѣчалъ:

— Нѣтъ, государь, не умнѣе, но у меня меньше дѣла, а потому есть время все обдумать; но и тутъ иногда ошибаюсь. У тебя же дѣлъ безъ числа, такъ и не диво, что ты иного дѣла и не обдумаешь, какъ слѣдуетъ.

Наказаніе оберъ-секретаря Сената.

Одинъ изъ оберъ-секретарей Сената, человекъ весьма дѣльный и хорошо знающій законы, пользовался особенною милостью Петра. Въ началѣ своей службы этотъ оберъ-секретарь вель себя безпорочно, но напослѣдокъ корысть взяла свое, да и дурные примѣры заразили: онъ сталъ брать взятки и кривить правосудіемъ. Взятки и казнокрадство въ то время почти и не считались за дурное, и Петръ былъ совершенно безсиленъ въ борьбѣ съ этими важными общественными пороками. Наиболѣе приближенный къ нему человекъ, наиболѣе одаренный его милостями — Меншиковъ — вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе огорчалъ его съ этой стороны. Самъ князь Я. Ѳ. Долгоруковъ — этотъ неподкупный другъ истины — и тотъ не былъ совсѣмъ чистъ отъ обвиненій съ этой стороны. Можно съ увѣренностью сказать, что въ Россіи былъ въ то время только одинъ человекъ, который не былъ виновенъ ни во взяточничествѣ, ни въ казнокрадствѣ, — и это былъ самъ Петръ. Но чѣмъ сильнѣе было зло, тѣмъ безпощаднѣе дѣйствовалъ царь.

Но пока доходили до Петра извѣстія о подобныхъ преступленіяхъ, виновники успѣвали наживать цѣлыя богатства. Такъ и названный оберъ-секретарь, разбогатѣвъ отъ взятокъ, построилъ себѣ хорошій домъ, богато убралъ его и жилъ вообще не по средствамъ. Но у него были враги, которые и успѣли довести о его преступленіи до свѣдѣнія самого государя. Случилось это такимъ образомъ.

Разъ Петръ ѣхалъ въ Сенатъ въ саняхъ. На запяткахъ стояли два денщика^[29]. Сговорившись, они завели между собою вполголоса рѣчь объ этомъ оберъ-секретарѣ, о томъ, что онъ разбогатѣлъ, а между тѣмъ всѣ знаютъ, что никакихъ доходовъ, кромѣ жалованія, у него нѣтъ. «Таково-то быть оберъ-секретаремъ!» заключили они свой разговоръ. Разговоръ этотъ велся въ той надеждѣ, что государь къ нему прислушается.

Петръ дѣйствительно слышалъ все сказанное, но не показаль вида, а между тѣмъ рѣшилъ провѣрить справедливость слуха. Такъ какъ онъ не любилъ откладывать никакого дѣла, то и рѣшилъ дѣйствовать тотчасъ же. Домъ оберъ-секретаря былъ на пути и уже недалеко. Петръ притворился, что озябъ, и проговорилъ:

— Какъ бы заѣхать къ кому обогрѣться?

Поравнявшись же съ домомъ оберъ-секретаря, сказалъ:

— Да вотъ изрядный домъ!

И велѣлъ въѣхать на дворъ.

Оберъ-секретарь былъ уже въ Сенатѣ, и дома оставалась его жена, которую неожиданный прїѣздъ государя привелъ въ смятеніе и страхъ. Но Петръ тотчасъ успокоилъ ее милостивымъ и ласковымъ обращеніемъ и сказалъ:

— Не прогнѣвайся, хозяйшка: я заѣхалъ къ вамъ обогрѣться.

Потомъ похвалилъ домъ ихъ, любовался внутреннимъ убранствомъ, просилъ показать ему всѣ комнаты и наконецъ, поблагодаривъ хозяйку, поѣхалъ въ Сенатъ. Здѣсь по окончаніи присутствія отозвалъ онъ оберъ-секретаря въ отдѣльную комнату и наединѣ потребовалъ отъ него искренняго признанія: изъ какихъ доходовъ построилъ онъ свой домъ и такъ богато убралъ его?

Къ несчастію, оберъ-секретарь вздумалъ извернуться ложью и сталъ объяснять государю, что, живя экономно, могъ онъ сдѣлать сбереженія изъ своего жалованья, частію же помогли ему друзья. Ложь была явная, а извѣстно, что ничѣмъ такъ нельзя было раздражить Петра, какъ сознательною ложью. Онъ готовъ былъ простить самый большой порокъ, если только виновный признавался въ своей винѣ и показывалъ искреннее раскаяніе, но лжи онъ не прощалъ. «За признаніе прощеніе, за утайку нѣтъ помилованія», говорилъ онъ: «лучше грѣхъ явный, нежели тайный». Такъ и въ настоящемъ случаѣ: видя, что оберъ-секретарь лжетъ, онъ взялъ его съ собою и поѣхалъ въ крѣпость. Здѣсь привелъ онъ его въ застѣнокъ, гдѣ пытали обвиняемыхъ, и грозно потребовалъ отъ него полного признанія.

Испуганный оберъ-секретарь, видя бѣду свою, принужденъ былъ сознаться, что домъ свой построилъ на взятки, и объяснилъ, сколько и съ кого взялъ и за какое дѣло.

— Тебѣ бы, — сказалъ Петръ, — это признаніе учинить въ Сенатѣ, не допуская себя до этого мѣста. Изъ всего видно, что ты никогда бы не признался, не видя передъ собою кнута.

И затѣмъ приказалъ дать ему безъ свидѣтелей нѣсколько ударовъ кнутомъ и отпустилъ его домой.

Такъ какъ виновный по своему знанію въ дѣлахъ былъ необходимъ Петру и замѣнить его было нечѣмъ, то этимъ наказаніемъ государь и ограничился. Черезъ три дня, бывши въ Сенатѣ, спросилъ онъ оберъ-секретаря. Ему отвѣчали, что тотъ боленъ. Зная причину болѣзни, Петръ вызвалъ оберъ-секретаря вечеромъ къ себѣ во дворецъ и здѣсь, не вспоминая о происшедшемъ, поручилъ ему, какъ оберъ-секретарю Сената, одно важное дѣло.

Оберъ-секретарь упалъ передъ государемъ на колѣни и

объявилъ, что теперь, по закону, онъ, какъ наказанный кнутомъ, уже не только не можетъ носить званіе оберъ-секретаря, но не можетъ считаться и между честными людьми; буде же государю угодно, чтобы онъ вступилъ въ прежнюю свою должность, то пусть государь, по милосердію своему, укажетъ очистить его безчестіе прикрытіемъ знамени^[30].

Петръ улыбнулся и сказалъ:

— Дуракъ! теперь никто не знаетъ, что ты наказанъ, а тогда всякій будетъ знать, что ты битъ кнутомъ.

И затѣмъ внушилъ ему, чтобы онъ забылъ о своемъ наказаніи и зналъ бы, что, во-первыхъ, прощается не по правосудію и не по милосердію, а по надобности въ немъ, и во-вторыхъ, что если и впредь станетъ извѣстно объ его взяточничествѣ, то тогда уже онъ публично будетъ наказанъ или, смотря по винѣ, и смертію казненъ безъ всякаго милосердія.

Однажды Петру былъ поданъ докладъ объ одномъ престарѣломъ полковникѣ, который прослужилъ въ строю тридцать лѣтъ и уже далѣе по старости и слабости здоровья служить не могъ, — Петра спрашивали: дать ли этому полковнику при отставкѣ въ пенсію половинное жалованье?

Государь прогнѣвался на такой вопросъ и съ крайнимъ неудовольствіемъ сказалъ:

— Ужели за пролитую кровь и раны для отечества при старости и дряхлости съ голоду умереть? Определите ему полное жалованье по смерти; и такъ какъ онъ служить болѣе не можетъ, то и не требовать отъ него никакой службы, но, въ чемъ онъ опытомъ искусился, спрашивать въ томъ у него совѣта. Иначе другимъ служить будетъ неохотно, когда за вѣрную службу нѣтъ награды. Вѣдь я для такихъ не скупъ.

Одно изъ писемъ Петра.

Въ 1716–1717 годахъ Петръ совершилъ второе большое путешествіе по Европѣ, при чемъ вторично посѣтилъ Голландію. Главною цѣлью этого путешествія было заключеніе новыхъ союзовъ съ европейскими государствами, необходимыхъ для продолженія войны со шведами; но вмѣстѣ съ тѣмъ это не мѣшало Петру продолжать учиться всему такъ же, какъ и въ первое его путешествіе.

Въ Амстердамѣ, осматривая корабельныя верфи, Петръ простудился и схватилъ 27 декабря 1716 года жестокую лихорадку, продолжавшуюся до 10 февраля слѣдующаго года. Во время этой болѣзни онъ получилъ радостную вѣсть отъ своей жены. Екатерина Алексѣевна сопровождала его въ этомъ путешествіи, но отстала на пути, такъ какъ должна была ѣхать медленнѣе по причинѣ послѣднихъ мѣсяцевъ беременности. Она остановилась въ городѣ Везелѣ и отсюда извѣстила царя, что 2 января она разрѣшилась отъ бремени сыномъ Павломъ.

Забывъ свою болѣзнь, Петръ въ тотъ же день, какъ получилъ извѣстіе, увѣдомилъ объ этомъ рожденіи всѣхъ наиболѣе знатныхъ изъ своихъ подданныхъ письмами. Изъ этихъ писемъ мы приведемъ здѣсь то, которое писано подполковнику гвардіи князю Петру Михайловичу Голицыну. Изъ него будетъ видно, какъ просто объяснялся Петръ съ своими подданными.

«Объявляю вамъ», писалъ Петръ Голицыну, «что сего мѣсяца 2-го дня хозяйка моя, не поѣхавъ сюда, въ Безелѣ родила солдатчонка Павла, о чемъ прошу увѣдомить господъ офицеровъ и солдатъ, и рекомендую его офицерамъ подъ команду, а солдатамъ въ братство, которымъ всѣмъ отъ меня и нововыѣзжаго прошу поклонъ отдать.

Петръ».

Къ сожалѣнію, радость Петра была не продолжительна, такъ какъ младенецъ Павелъ скончался на другой же день по рожденіи.

XXXIV.

Я — солдатъ!

Изъ Голландіи Петръ отправился во Францію. На пути въ Парижъ, по приказанію двора, старались встрѣчать его съ возможными почестями, но такъ какъ нашъ государь не любилъ никакихъ излишнихъ церемоній, то и старался уклоняться отъ подобныхъ встрѣчъ. Въ Аміенѣ мѣстный начальникъ приготовилъ для него великолѣпный обѣденный столъ, но государь не захотѣлъ останавливаться въ этомъ городѣ, такъ какъ ничто здѣсь не привлекало его вниманія, и потому проѣхалъ мимо. Когда же ему доложили, что дальше по дорогѣ онъ не скоро можетъ имѣть приличный столъ, то онъ отвѣчалъ:

— Я солдатъ, и когда найду хлѣбъ да воду, то тѣмъ и буду доволенъ.

Петръ по описанію французовъ — современниковъ.

Въ Парижъ Петръ прибылъ 26 апрѣля 1717 года, въ десятомъ часу вечера. Для его пребыванія были приготовлены комнаты въ Луврѣ, бывшемъ королевскомъ дворцѣ. Но Петру это помѣщеніе не понравилось по своему великолѣпію; онъ пробылъ здѣсь не болѣе часа и потребовалъ, чтобы ему отвели квартиру въ домѣ какого-нибудь частнаго лица. Желаніе его было исполнено. Но и въ новомъ помѣщеніи мебель показалась ему слишкомъ великолѣпною, и онъ велѣлъ вынуть изъ фургона и приготовить для себя свою походную постель.

Французы-современники такъ описываютъ Петра за это время. Онъ былъ высокаго роста, хорошо сложенъ, худощавъ, смуглъ; глаза у него большіе и живые, взглядъ проницательный и иногда дикий, особенно когда на лицѣ показывались конвульсивныя движенія. Когда онъ хотѣлъ сдѣлать кому-нибудь хорошій пріемъ, то фізіономія его прояснялась и становилась пріятною, хотя всегда сохраняла немного суроваго величія. Его неправильныя, порывистыя движенія обнаруживали стремительность характера и силу страстей. Никакія свѣтскія приличія не останавливали дѣятельности его духа; видъ величія и смѣлости показывалъ государя, который чувствуетъ себя хозяиномъ повсюду. Иногда, наскучивъ толпою посѣтителей, онъ удалялъ ихъ однимъ словомъ, однимъ движеніемъ, или просто уходилъ самъ, чтобы отправиться туда, куда влекло его любопытство. Если при этомъ экипажъ его не былъ готовъ, то онъ садился въ первую попавшуюся карету, хотя бы и наемную; однажды онъ сѣлъ въ карету жены маршала Мартиньона, пріѣхавшей къ нему съ визитомъ, и приказалъ везти себя въ Булонь^[31]. Маршалъ Тессе и гвардейцы, приставленные къ Петру для его сопровожденія, бѣгали за нимъ всюду, какъ могли. Петръ поражалъ французовъ и простотою своей одежды: онъ носилъ простое суконное платье, широкій поясъ, на которомъ висѣла сабля, круглый парикъ безъ пудры, не спускавшійся далѣе шеи, и рубашку безъ манжетъ. Обѣдалъ онъ въ одиннадцать часовъ, а ужиналъ въ восемь.

Такая простота въ костюмѣ и образѣ, жизни не могли нравиться французамъ, привыкшимъ къ необыкновенной пышности и церемоніямъ въ образѣ жизни своихъ королей,

которымъ старались подражать и сами. Съ своей стороны, и Петру многое казалось страннымъ въ образѣ жизни французовъ. Одинъ изъ придворныхъ обратилъ на примѣръ его вниманіе тѣмъ, что каждый разъ, какъ видѣлъ его Петръ, онъ былъ одѣтъ въ новое платье.

— Мнѣ кажется, — сказалъ про него Петръ, — что дворянинъ сей весьма недоволенъ своимъ портнымъ.

XXXVI.

Свиданіе Петра съ Людовикомъ XV.

Черезъ три дня по приѣздѣ Петра въ Парижъ, 29-го апрѣля, въ 6 часу вечера, ему сдѣлалъ визитъ малолѣтній король Франціи Людовикъ XV^[32] въ сопровожденіи своего дядьки, герцога Вилльруа. По окончаніи этого визита Петръ взялъ короля на руки и поцѣловалъ его нѣсколько разъ, глядя на него съ необыкновенною нѣжностью. «Объявляю вамъ», писалъ Петръ женѣ объ этомъ визитѣ^[33], «что въ прошлый понедѣльникъ визитовалъ меня здѣшній королица, который пальца на два болѣе Луки нашего^[34]; дитя зѣло изрядная образомъ и станомъ и по возрасту своему довольно разумень, которому семь лѣтъ».

На другой день, въ 5 часу, Петръ отдалъ визитъ королю. Увидавъ, что Людовикъ спѣшитъ къ его каретѣ, Петръ выскочилъ изъ нея, самъ побѣжалъ къ королю навстрѣчу, взялъ его на руки и внесъ по лѣстницѣ въ залу, сказавъ:

— Всю Францію на себѣ несу!

Посѣщеніе маркизы Ментенонъ.

Петръ пробылъ въ Парижѣ 43 дня. За это время онъ посѣтилъ здѣсь все, что казалось ему достойнымъ вниманія. Онъ вставалъ въ 4 часа и ежедневно поутру и послѣ обѣда отправлялся осматривать Парижъ или его окрестности. Онъ заходилъ въ лавки, къ ремесленникамъ, разспрашивалъ о подробностяхъ каждой работы, при чемъ и самъ обнаруживалъ во всемъ обширныя познанія. Вещи, только красивыя, служившія для одного удовольствія, мало его занимали, но все, что имѣло свою цѣлью пользу, что относилось къ мореплаванію, къ торговлѣ, къ необходимымъ искусствамъ, — все это возбуждало его любопытство и привлекало вниманіе. Онъ только мимоходомъ напримѣръ взглянулъ на королевскіе бриліанты, но долго оставался въ зоологическомъ саду (Jardin des plantes); просидѣлъ въ оперѣ только первые акты, но въ тотъ же день цѣлое утро провелъ въ галлерей плановъ. Очень понравился ему Инвалидный домъ^[35], гдѣ онъ осматривалъ все до мельчайшихъ подробностей; здѣсь, въ столовой, спросилъ онъ солдатскую рюмку вина и выпилъ за здоровье инвалидовъ, называя ихъ своими товарищами.

Изъ загородныхъ посѣщеній Петра обращаетъ особенное вниманіе посѣщеніе имъ женскаго учебнаго заведенія въ Сень-Сирѣ, учрежденнаго маркизою Ментенонъ^[36]. Царь посѣтилъ здѣсь всѣ классы, заставилъ объяснить себѣ всѣ занятія пансіонерокъ и наконецъ пожелалъ видѣть саму основательницу заведенія.

Маркиза Ментенонъ была больна и лежала въ постели, поэтому велѣла отвѣтить Петру, что не можетъ принять его. Узнавъ о причинѣ отказа, Петръ сказалъ:

— Это ничему не мѣшаетъ. Я не хочу ее беспокоить, но долженъ ее видѣть и изъяснить ей мое почтеніе.

Онъ вошелъ къ ней въ спальню, а такъ какъ кровать была закрыта занавѣсью, то онъ осторожно ее отдернулъ и привѣтствовалъ больную дружескими словами. Затѣмъ, сѣвъ въ ногахъ ея на постель, извинился, что можетъ-быть пришелъ не вовремя, но онъ не могъ не видѣть ея и не засвидѣтельствовать ей своего почтенія, такъ какъ хотѣлъ видѣть во Франціи все, что есть въ ней замѣчательнаго. Не спуская съ маркизы глазъ, онъ спросилъ ее: чѣмъ она больна?

— Старостью, — отвѣтила она.

— Сей болѣзни всѣ мы подвержены, если будемъ долго жить, — сказалъ Петръ. — Васъ же она должна утѣшать, такъ какъ вы окружены дѣвицами, которыя воспитаніемъ и счастіемъ своимъ вамъ одной обязаны.

Потомъ, пожелавъ ей облегченія, онъ простился съ нею.

XXXVIII.

Озорникъ Ванька.

Петръ обязаль всѣхъ дворянъ пожизненною службою. Воеводы каждой провинціи^[37] должны были собирать дворянскихъ сыновей отъ 10 до 13 лѣтъ и записывать ихъ въ военную службу, а неспособныхъ къ ней — въ гражданскую. Военная служба для дворянъ начиналась съ 16-ти лѣтъ въ гвардейскихъ полкахъ рядовыми. Распоряженіе это исполнялось дворянами крайне неохотно, и они употребляли всѣ мѣры, чтобы избавить своихъ дѣтей отъ службы; воеводы, получивъ взятки, способствовали укрывательству, и нѣкоторые дворяне состарѣлись, живя въ деревняхъ, а на службѣ не бывали.

Такое уклоненіе отъ предписаній закона вызывало со стороны Петра строгіе и подчасъ жестокіе указы противъ ослушниковъ, и волею-неволею большая часть маменькиныхъ сынковъ являлись на службу. Одного изъ такихъ молодыхъ дворянъ, такъ называемаго недоросля, 17 лѣтъ, мать принуждена была привезти въ Петербургъ, гдѣ онъ и былъ опредѣленъ въ одинъ изъ полковъ рядовымъ.

Въ томъ же полку служилъ бывший ихъ дворовый человѣкъ, по имени Иванъ, отданный за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ барынею въ солдаты. Въ службѣ Иванъ научился грамотѣ и за свою исправность уже былъ произведенъ въ сержанты^[38]. Случилось такъ, что помянутаго недоросля опредѣлили подъ команду къ Ивану. Бывшій баринъ не могъ глядѣть на сержанта иначе, какъ на прежняго Ваньку, и потому не сталъ слушать его приказаній. Сержантъ же воспользовался законнымъ правомъ и жестоко наказаль ослушника палкой.

Недоросль пожаловался своей матушкѣ. Та взвыла и поспѣшила къ самому государю, которому и принесла жалобу, что крѣпостной ея слуга Ванька прибилъ ея сына не на животъ, а на смерть.

Дѣло казалось серіознымъ. Государь разспросилъ подробно, какъ было дѣло, но, узнавъ, что Ванька — сержантъ, а сынъ — подчиненный ему рядовой, успокоился и приказаль вызвать къ себѣ обоихъ. Когда они явились, Петръ спросилъ сержанта:

— За что ты билъ сына сей старухи?

— За непослушаніе, — отвѣтилъ сержантъ — я приказаль ему быть въ четвертомъ часу къ ученью, а онъ ослушался и не пришелъ. Я велѣлъ привести его силою и наказаль, какъ ослушника.

Петръ былъ въ то время весель и, подмигнувъ сержанту, спросилъ:

— Да какъ ты его билъ?

Сержантъ понялъ намѣреніе государя и, взявъ палку, сталъ бить недоросля, приговаривая:

— Не ослушайся, не ослушайся... Вотъ такъ я билъ его, государь.

Видя это, мать завывала. А государь сказалъ ей:

— Видишь, старуха, какой Ванька-то твой озорникъ: и въ моемъ присутствіи не унимается. Я совѣтую тебѣ поскорѣе отойти, дабы и тебѣ самой чего отъ него не досталось. Вѣдь за непослушаніе вездѣ бьютъ!

Еще слуга и баринъ.

Забываясь о просвѣщеніи русскихъ, Петръ для изученія наукъ, художествъ, ремеслъ и главнымъ образомъ кораблестроенія и морской службы отправлялъ многихъ молодыхъ людей, преимущественно дворянъ, за границу. Одинъ изъ такихъ, калужскій помѣщикъ Спафаріевъ, былъ отправленъ за границу именно для изученія морского дѣла. Но, или не имѣя способностей, или по гордости дворянской считая такія занятія для себя низкими и излишними, ни въ чемъ не успѣлъ, да и не прилагалъ къ тому стараній. Бывшій при немъ крѣпостной слуга, изъ калмыковъ, человекъ весьма способный, постоянно напоминалъ своему барину о занятіяхъ, но бесполезно. Самъ же калмыкъ, неотлучно находясь при баринѣ, воспользовался преподаваемымъ ему ученіемъ и основательно изучилъ все, что касалось морского дѣла.

По прошествіи назначенныхъ для ученія лѣтъ Спафаріевъ съ товарищами возвратился въ Петербургъ, гдѣ и долженъ былъ держать экзамень въ Адмиралтейской коллегіи^[39] въ присутствіи самого государя. Въ назначенный день Спафаріевъ отправился въ коллегію, а вмѣстѣ съ нимъ отправился и калмыкъ — съ тою цѣлью, чтобы помочь барину на экзамень, а можетъ-быть и для того, чтобы имѣть случай выставить и себя. Какъ бы то ни было, забравъ съ собою чертежи, исполненные его господиномъ, калмыкъ успѣлъ пробраться вмѣстѣ съ другими въ комнату, гдѣ производился экзамень.

Петръ, экзаменуя, прохаживался по комнатѣ. Пользуясь тѣми моментами, когда государь поворачивался къ нимъ спиною и пока еще не дошла очередь до его барина, калмыкъ старался объяснять ему все, что казалось ему наиболѣе необходимымъ для экзамена. Это не укрылось отъ Петра; онъ обратилъ вниманіе на калмыка и спросилъ его: зачѣмъ онъ здѣсь?

— Я, всемилостивѣйшій государь, отвѣтилъ калмыкъ, — принялъ смѣлость войти сюда съ господиномъ моимъ для поправленія его въ случаѣ замѣшательства его въ отвѣтахъ.

— Да развѣ ты что разумѣешь?

— Я, ваше величество, бывъ неотлученъ отъ господина моего, старался воспользоваться преподаваемымъ ему наставленіемъ.

Заинтересованный Петръ сталъ испытывать калмыка и, къ великому своему удовольствію, нашель его весьма свѣдущимъ въ морскомъ дѣлѣ. Послѣ этого начался экзамень самому господину,

и оказалось, что, насколько слуга былъ свѣдущъ, настолько господинъ былъ неучемъ.

Петръ не останавливался ни передъ чѣмъ, и результатомъ этого экзамена было то, что калмыкъ получилъ вольную, съ фамиліей Калмыкова, и чинъ мичмана, а Спафаріевъ опредѣленъ въ матросы и отданъ подъ команду Калмыкову съ приказаніемъ послѣднему, чтобы тотъ постарался научить барина всему, что самъ такъ хорошо зналъ.

Калмыковъ въ 1723 году былъ уже морскимъ капитаномъ, а потомъ дошелъ и до контръ-адмиральскаго чина.

XL.

Черты изъ образа жизни Петра.

Петръ Великій вставалъ очень рано — въ три, и; въ четыре часа утра. Вставши, съ полчаса прогуливался по комнатѣ и потомъ тотчасъ же занимался дѣлами. Въ шесть часовъ, позавтракавъ, выѣзжалъ въ Сенатъ и другія присутственныя мѣста; въ хорошую погоду хаживалъ пѣшкомъ. Обѣдалъ онъ въ 11 или 12 часовъ, и во всякомъ случаѣ не позже часа пополудни. Обѣдъ состоялъ изъ щей, каши, студня, холоднаго поросенка въ сметанѣ, холоднаго жаркого (чаще всего утка) съ огурцами или солеными лимонами, ветчины и лимбургскаго сыра. Передъ кушаньемъ пилъ онъ по рюмкѣ анисовой водки и въ теченіе обѣда — квасъ, пиво и хорошее красное вино. Рыбы и вообще постной пищи желудокъ его не переносилъ, и потому Петръ не соблюдалъ постовъ (кромѣ недѣли говѣнія), на что и имѣлъ разрѣшеніе отъ константинопольскаго патріарха^[40]. Послѣ обѣда надѣвалъ халатъ и спалъ часа два, а въ четыре приказывалъ подавать къ докладу дѣла, которыя къ утру надлежало рѣшить. Ужина у него обыкновенно не было. Спать ложился часовъ въ 10, въ 11.

Обѣдалъ онъ дома рѣдко, а по большей части въ гостяхъ у вельможъ или у кого другого, не отказываясь ни отъ какого приглашенія. Если онъ обѣдалъ дома, то обѣдалъ обыкновенно одинъ съ своею женою и не терпѣлъ, чтобы въ столовой были лакеи. Если при столѣ его находился кто-либо изъ приглашенныхъ, то и тогда прислуживалъ только его кухмистеръ Фельтень, одинъ денщикъ и два малолѣтнихъ пажа, да и эти, поставя всѣ блюда, закуски и для каждаго гостя по бутылкѣ вина, должны были выходить изъ столовой и оставлять государя одного съ гостями, а лакеи никогда у стола его не должны были являться, — разумѣется, кромѣ церемоніальныхъ обѣдовъ. Онъ говаривалъ про лакеевъ: «я не хочу, чтобы они были слушателями разговоровъ при моемъ столѣ». А однажды сказалъ про нихъ же прусскому посланнику, сидѣвшему съ нимъ за столомъ: «сіи наемники смотрятъ лишь за столомъ каждому въ ротъ и подслушиваютъ все, что говорятъ; разумѣютъ криво и рассказываютъ опять криво».

Большого придворнаго штата онъ вообще не любилъ, сложивъ представительство всей царской пышности на князя Меншикова, и для своихъ собственныхъ домашнихъ услугъ имѣлъ одного только камердинера; для другихъ же услугъ и для провожанія при выѣздахъ употреблялъ своихъ денщиковъ, изъ которыхъ двое

постоянно при немъ дежурили. Никогда не ъздилъ онъ въ каретѣ или коляскѣ, а всегда въ одноколѣ^[41], въ которой можно было въ случаѣ нужды сидѣть двоимъ. Во время его царствованія въ дворцовой конюшнѣ находились лишь двѣ четырехмѣстных кареты для его семейства, да еще у князя Меншикова были двѣ парадныя кареты. Болѣе же всего любилъ Петръ при поѣздкахъ пользоваться водою и разѣзжалъ по Невѣ на буерѣ^[42], шлюпкѣ или четырехвесельной верейкѣ^[43]. Чтобы приучить и петербургскихъ жителей къ водѣ, онъ во все свое царствованіе не разрѣшалъ строить мостовъ черезъ Неву и ея рукава^[44]. Во всемъ Петербургѣ при Петрѣ не было и десяти каретъ, изъ наемныхъ же только одна, да и та исключительно для приѣзжающихъ иностранцевъ.

Упомянутые денщики отправляли при Петрѣ при встрѣчающемся случаѣ всякія дѣла. Въ денщики государь избиралъ молодыхъ людей, преимущественно дворянъ, записанныхъ уже въ гвардейскіе полки. Лѣтъ черезъ десять — иногда скорѣе, иногда и позже — опредѣлялъ онъ ихъ, смотря по ихъ способностямъ, въ военную или гражданскую службу. Ночью одинъ изъ дежурныхъ денщиковъ (или же камердинеръ) ложился спать въ той комнатѣ, гдѣ спалъ государь, или же въ сосѣдней. По ночамъ Петръ часто просыпался и звалъ денщика, чтобы тотъ записалъ мысль, пришедшую государю въ голову. Наибольшую чуткостью во время сна отличался крестникъ царя, арапъ Ганнибалъ^[45], бывшій одно время, до отправленія своего за границу, камердинеромъ Петра. Ганнибалъ самъ рассказывалъ, что не проходило ночи, чтобы государь не окликалъ его: «Арапъ!» и Ганнибалъ тотчасъ же спрашивалъ: «Чего изволите?» — «Подай огня и доску». Ганнибалъ подавалъ грифельную доску, которая висѣла въ головахъ государя, и Петръ записывалъ на ней, что ему казалось нужнымъ, или приказывалъ записать арапу, и потомъ говорилъ: «Повѣсь и поди спи». Поутру государь прочитывалъ то, что было записано, и отдавалъ нужныя приказанія, или же, когда дѣло не было спѣшнымъ, записывалъ въ свою памятную книжку.

Карточною игрой Петръ никогда не занимался, и при дворѣ его она была мало употребляема. Въ войскахъ было позволено, проигрывать въ карты не болѣе рубля, а кто проиграетъ больше, не долженъ былъ платить; ослушники подвергались военному суду и наказанію. Петръ говаривалъ объ игрокахъ въ карты; «они или не имѣютъ вкуса къ полезнымъ дѣламъ, коими могли бы заняться, или намѣреваются другихъ разорять».

XLI.

Въ токарной на отдыхъ.

Безпрерывно работая, Петръ нуждался по временамъ въ безусловномъ отдыхѣ, особенно умственномъ. Въ такія минуты онъ удалялся обыкновенно въ свою токарню и, работая здѣсь — подъ руководствомъ ученаго механика и токаря, Андрея Нартова — на токарномъ станкѣ, отдыхалъ отъ умственныхъ тревогъ; въ это время уже рѣдко кто рѣшался его беспокоить.

Однажды, проходя въ токарню, государь приказалъ никого не впускать къ себѣ. Черезъ нѣкоторое время пришелъ князь Меншиковъ и хотѣлъ было пройти въ токарню, но служитель не пустилъ его. Меншиковъ разсердился и сталъ шумѣть, требуя, чтобы его немедленно пропустили. На шумъ вышелъ Нартовъ и, удерживая Меншикова, хотѣвшаго силою пройти въ открытыя двери, объявилъ ему приказъ государя и затѣмъ захлопнулъ передъ нимъ дверь, Раздраженный Меншиковъ въ запальчивости крикнулъ ему въ догонку: — Добро, Нартовъ, помни это!

Нартовъ, придя къ государю, рассказалъ ему объ этомъ происшествіи и объ угрозахъ Меншикова. Петръ разсмѣялся.

— Гдѣ же скрыться отъ ищущихъ и толкущихъ? — сказали онъ и потомъ прибавилъ. — Кто дерзнетъ противъ мастера моего? Посмотрю. Невѣжество художествъ и наукъ не терпитъ, но я наглость рѣшу. Подай, Андрей, чернила и бумагу!

И затѣмъ тутъ же, на токарномъ станкѣ, написалъ слѣдующее:

«Кому не приказано или кто не позванъ, да не входитъ сюда, не токмо посторонній, но ниже служитель дома сего, дабы хотя сіе мѣсто хозяинъ покойное имѣлъ».

Отдавъ написанное Нартову, государь сказалъ:

— Вотъ тебѣ оборона! — прибеи сіе къ двери и на угрозы Меншикова не смотри.

Послѣ этого въ токарню уже не осмѣливались являться докучные посѣтителы, и тишина здѣсь настала такая, что Петръ, смѣясь, говорилъ Нартову:

— Теперь, Андрей, по почтѣ ходящихъ сюда не слышно: знать, грома колесъ нашихъ бояться.

XLII.

Трудная задача.

Однажды Петръ, работая на токарномъ станкѣ и будучи весель отъ удачной работы, спросилъ Нартова:

— Каково точу я?

На что Нартовъ отвѣчалъ:

— Хорошо!

— Таково-то, Андрей, — замѣтилъ на это Петръ: — кости точу я долотомъ изрядно, а не могу обточить дубиною упрямецъ.

Судъ надъ Меншиковымъ.

Въ анекдотѣ XXXI было уже говорено о взяточничествѣ и казнокрадствѣ Меншикова. Государь училъ его нѣсколько разъ своею «дубинкой»^[46], но въ концѣ концовъ, еще въ 1714 году, нарядилъ надъ нимъ слѣдствіе, поручивъ это особой комиссіи подъ предсѣдательствомъ князя Василія Владиміровича Долгорукова. Комиссія нашла Меншикова виновнымъ, и между прочимъ въ томъ, что онъ, принимая на себя казенные хлѣбные подряды, бралъ съ казны лишнія деньги; подряды эти дѣлались имъ на чужое имя, и главнымъ пособникомъ князя въ этихъ дѣлахъ былъ его помощникъ по управленію С.-Петербургскою губерніей — вице — губернаторъ Корсаковъ.

О результатахъ слѣдствія князь Долгоруковъ доложилъ государю и просилъ его сдѣлать заключеніе. Чтобы хорошенько обсудить это дѣло, государь приказалъ князю явиться къ нему въ токарню со всѣми бумагами.

Въ назначенное время Долгоруковъ явился въ токарню. Петръ самъ заперъ двери и велѣлъ князю читать дѣло. Во время чтенія раздался стукъ въ двери. Думая, что это стучить его жена, Петръ отворилъ дверь, но увидѣлъ, что то былъ Меншиковъ, который, лишь только вошелъ, упалъ передъ государемъ на колѣни и со слезами просилъ помилованія, говоря, что злодѣи его прилагаютъ всѣ силы, чтобы его погубить.

— Александръ Данилычъ! — возразилъ на это Долгоруковъ, — дѣло твое разсматривалъ и судилъ я съ членами комиссіи, а не злодѣи твои; само дѣло безъ приговора нашего обличаетъ тебя въ похищеніи казеннаго интереса, и посему жалоба твоя крайне несправедлива.

Между тѣмъ Меншиковъ продолжалъ стоять на колѣняхъ и рыдать. Государь, тронувшись слезами того, кого онъ съ дѣтства привыкъ любить, обратился къ Долгорукову и сказалъ:

— Отнеси дѣло къ себѣ: я выслушаю его въ другое время.

И остался съ Меншиковымъ наединѣ.

По прошествіи нѣкотораго времени Долгоруковъ опять докладываетъ государю о томъ же, и государь, назначивъ день, обѣщалъ для выслушанія дѣла быть къ князю на домъ. Въ назначенный день Петръ явился къ Долгорукову. Выслушавъ дѣло, онъ, не говоря ни слова, сталъ ходить до комнатъ. Подождавъ немного, князь напомнилъ о необходимости рѣшенія и опредѣленія наказанія.

— Не тебѣ, князь, — сказалъ на это государь, — судить меня съ Данилычемъ, а судить насъ съ нимъ будетъ Богъ.

— Что же съ дѣломъ симъ дѣлать?

— Я знаю, что я буду дѣлать.

— Вижу я, — сказалъ тогда Долгоруковъ, — что тебѣ жаль Меншикова и что не хочешь ты наказать его. Но если ты не знаешь, что съ нимъ дѣлать, то послушай, пожалуй, что я тебѣ скажу. Однажды пришелъ я къ родственнику моему Лобанову и, найдя его съ повязанною головой и очень смутнымъ, спросилъ, что ему сдѣлалось? «Голова у меня болитъ отъ крайней досады», отвѣчалъ онъ. — «Какая же сія досада?» — «Управитель мой, Кулага, обокралъ меня». — «Такъ выскки его и сошли въ деревню въ работу». — «Но я не могу сего сдѣлать, ибо привыкъ къ нему изъ дѣтства и противъ воли люблю его». — «Такъ я тебя научу, что съ нимъ дѣлать. Не помогаль ли ему кто обкрадывать?» — «Помогаль ключникъ», — «Ну, такъ сего ключника при глазахъ плута Кулаги выскки хорошенько и приговаривай общую ихъ кражу». Онъ такъ и поступилъ. Такъ и ты, государь, сдѣлай, — заключилъ Долгоруковъ: — помогаль въ плутовствѣ Меншикову Корсаковъ, ты и накажи его при немъ за ихъ общее плутовство, да тѣмъ дѣло и кончи.

Петръ, терпѣливо выслушавъ это, сказалъ:

— Ты меня равняешь съ дуракомъ Лобановымъ!

— Нѣтъ, не равняю; но надобно же чѣмъ-нибудь кончить. Когда ты не можешь съ Меншиковымъ разстаться, инъ накажи помощника и совѣтника его.

— Поди, — сказалъ Петръ, — я обдумаю лучше твоего.

Но Петръ такъ и не успѣлъ окончательно обдумать этого дѣла, которое, осложняясь все болѣе, тянулось съ нѣкоторыми перерывами до самой его смерти и закончилось лишь при его преемницѣ, Екатеринѣ I, полнымъ прощеніемъ виновнаго. При Петрѣ Меншиковъ поплатился лишь денежными штрафами и лишеніемъ президентства въ Военной коллегіи. Но самымъ тяжкимъ наказаніемъ для Меншикова, конечно, было то, что онъ лишился довѣрія, которое всегда оказываль ему Петръ, и прежнія ихъ дружескія отношенія навсегда были порваны.

Корсаковъ же въ 1715 году былъ публично наказанъ кнутомъ.

XLIV.

Пироги подовые!

Однажды, разгнѣвавшись на Меншикова, Петръ напомнилъ ему его низкое происхожденіе и сказалъ:

— Знаешь ли ты, что я разомъ поворочу тебя въ прежнее состояніе! Тотчасъ возьми кузовъ съ пирогами, скитайся по лагерю и кричи: «пироги подовые!», какъ дѣлывалъ прежде. Вонъ! ты не достоинъ моей милости. — И вытолкнулъ его изъ комнаты. Меншиковъ кинулся прямо къ государынѣ, своей постоянной заступницѣ, и со слезами умолялъ ее, чтобы она умилировала государя. Екатерина Алексѣевна немедленно пошла къ мужу и нашла его пасмурнымъ. Она постаралась всячески его развеселить и смягчить его гнѣвъ, а Меншиковъ въ это время, чтобы показать свое смиреніе, подхватилъ на улицѣ у пирожника кузовъ съ пирогами, навѣсилъ его себѣ на шею и въ такомъ видѣ явился передъ государемъ.

Петръ разсмѣялся и сказалъ:

— Слушай, Александръ: перестань бездѣльничать, или хуже будешь пирожника!

Потомъ простилъ его. Когда Екатерина Алексѣевна выходила отъ государя, то Меншиковъ пошелъ за нею и кричалъ:

— Пироги подовые!

А государь вслѣдъ ему смѣялся и говорилъ:

— Помни, Александръ!

— Помню, ваше величество, — отвѣчалъ Меншиковъ, — и не забуду. Пироги подовые!

Въ другой разъ на просьбу жены о помилованіи Меншикова Петръ сказалъ:

— Ей, Меншиковъ въ беззаконіи зачать, во грѣхахъ рожденъ и въ плутовствѣ скончаетъ животъ свой. И если, Катенька, онъ не исправится, то быть ему безъ головы. Я только для тебя его на этотъ разъ прощаю.

XLV.

Самъ Петръ беретъ взятки.

Въ одну изъ поѣздокъ Петра въ Москву дошли до него жалобы на нѣкоторыхъ судей во взяткахъ, крайне его раздражившія. Сопровождавшій Петра въ этой поѣздкѣ генераль Ів. Ів. Бутурлинъ, видя его гнѣвъ, сказалъ ему:

— Пока самъ ты не перестанешь брать взяткоѣ, то не истребишь оныхъ и въ подданныхъ твоихъ; твой примѣръ сильнѣе всякаго указа дѣйствуетъ надъ сердцами ихъ.

Государь, еще болѣе раздраженный такими дерзкими словами, сказалъ:

— Какъ смѣешь ты сплестъ на меня такую ложь?

— Не ложь, — возразилъ Бутурлинъ, — а правду. Въ поѣздѣ нашъ черезъ Тверь имѣлъ я квартиру у тамошняго купца, бывшаго тогда въ отлучкѣ, а оставалась въ домѣ жена его съ дѣтьми. Въ тотъ день были ея именины и собрались на обѣдъ гости, на который былъ приглашенъ и я. Лишь только сѣли мы за столъ, пришелъ къ хозяйкѣ изъ магистрата^[47] городской староста съ требованіемъ тотъ же часъ ста рублей, говоря, что магистратъ опредѣлилъ поднести поутру государю въ подарокъ довольно знатную по состоянію ихъ сумму денегъ и что на долю ихъ дома пало сто рублей. Встревоженная симъ именинница просить обождать ея мужа, который-де завтра возвратится; но староста отвѣчаетъ, что время не терпитъ. Она клянется, что у ней нѣтъ денегъ, но онъ говоритъ ей, что безъ денегъ не вельно ему выходить ни изъ котораго дома, и что буде тотъ же часъ она не сыщеть денегъ, то онъ долженъ будетъ взять ее подъ караулъ. Веселье превращается въ печаль, и хозяйка со слезами снимаетъ съ себя жемчужный уборъ и отдаетъ его старостѣ; но онъ не беретъ его, а требуетъ денегъ. Въ крайности сей именинница взвыла, а гости, изъ-за стола одинъ по другому съ сѣтованіемъ вставая, разошлись, дабы на тотъ же подарокъ припасти доставшіяся и на ихъ долю деньги. Я уговаривалъ старосту, чтобы онъ подождать до утра пріѣзда ея мужа: «вѣдь-де не такая бѣда, чтобы не можно обождать». Но староста и мнѣ сказалъ: «бояринъ! я человекъ подневольный, и мнѣ отсрочивать не вельно ни до вечера». Смотря на хозяйку мою, жалость меня столько тронула, что я принужденъ былъ дать ей свои деньги, и она такъ обрадовалась, что, бросившись ко мнѣ въ ноги, произносила Богъ-знаетъ какую благодарность. Вотъ каковы добровольные-то, какъ говорятъ, тебѣ подарки! — заключилъ Бутурлинъ, — и ты, чаю,

получая оныя, не представляешь таковыхъ печальныхъ слѣдствій. Такъ разсуди же, можно ли требовать отъ подданныхъ, чтобъ они взятокъ не брали, когда видятъ, что и самъ ты берешь ихъ?

Великій государь, выслушавъ столь непріятную для него истину, обнялъ Бутурлина, благодарилъ, что онъ вразумилъ его, велѣлъ возвратить городамъ уже поднесенные ему въ ту поѣздку подарки и положилъ за правило впредь никогда не принимать таковыхъ.

XLVI.

Садись, братъ!

Однажды Петръ, осматривая Петербургъ, ѣхалъ въ своей одноколкѣ, сопровождаемый по обыкновенію денщикомъ, Рядомъ съ царемъ сидѣлъ петербургскій полицеймейстеръ — генераль-адъютантъ Дивьеръ. Подъѣхавъ къ одному изъ мостовъ, черезъ который надо было переѣзжать, Петръ увидѣлъ, что доски на мосту въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разошлись и переѣздъ могъ грозить опасностью. Петръ слѣзъ съ одноколки и велѣлъ своему денщику сдвинуть доски и сколько-нибудь скрѣпить ихъ, чтобы можно было переѣхать. Пока же это приказаніе приводилось въ исполненіе, Петръ обратился къ Дивьеру и сталъ бранить его за нерадѣніе о порядкѣ; въ заключеніе далъ ему нѣсколько ударовъ своею дубинкою и сказалъ:

— Это прибавить тебѣ лучшую память къ попеченію и содержанію улицъ и мостовъ въ надлежащемъ порядкѣ, и будешь чаще самъ осматривать.

Между тѣмъ мостъ былъ исправленъ, и Петръ, успокоясь, сѣлъ въ одноколку и, какъ бы ничего не было, милостиво сказалъ Дивьеру: — Садись, братъ!

XLVII.

Петръ объясняетъ причину своей жестокости.

Одинъ изъ русскихъ пословъ, возвратившись въ Россію незадолго до окончанія войны со шведами, въ тотъ же день явился по приказанію государя къ нему во дворецъ передъ самымъ обѣдомъ. Петръ, поговоривъ съ нимъ немного, пригласилъ его къ обѣду. За столомъ онъ съ большою подробностью разспрашивалъ посла о государствѣ, изъ котораго тотъ возвратился, и наконецъ спросилъ, что о немъ, Петръ, думаютъ за границей?

— Все хорошее и много похвальнаго, — отвѣчалъ посолъ, — а особливо удивляются разуму вашего величества и премудрости въ трудныхъ и благополучно совершенныхъ предпріятіяхъ, и повсюду имѣютъ къ вашей особѣ величайшее почтеніе.

— Такъ, такъ! — сказалъ Петръ, — это все можетъ-быть и правда, и лестъ говорить сіе о всѣхъ монархахъ, когда она знаетъ, что оное до ихъ ушей можетъ дойти. Все то, что говорятъ обо мнѣ съ хорошей стороны, знать я не хочу; но желаю слышать, что говорятъ тамъ обо мнѣ также и съ худой стороны. Прошу тебя рассказать мнѣ о семъ, не тая ничего; ибо я хорошо знаю, что въ чужихъ земляхъ разсуждаютъ обо мнѣ со всѣхъ сторонъ и вездѣ такъ вольно, что ты несомнѣнно наслышался и худого. Сіе самое хочу я отъ тебя узнать и видѣть, согласно ли сіе съ тѣмъ, что я часто уже слышалъ, и скажешь ли ты мнѣ правду.

Посланникъ, поклонясь низко, отвѣчалъ:

— Когда ваше величество такъ мнѣ повелѣваете, то донесу вамъ все, что я о васъ слышалъ. Говорятъ, будто ваше величество кажетесь имъ строгимъ государемъ, который поступаетъ съ своими подданными жестоко, всегда наказываетъ и никогда не прощаетъ...

На этихъ словахъ Петръ прервалъ его рѣчь и сказалъ, улыбаясь:

— Нѣтъ, нѣтъ, другъ мой! ты не хочешь сказать всей правды, что ты подлинно слышалъ, и напрасно употребляешь слово «будто»! Меня называютъ дѣйствительно жестокимъ тираномъ и мучителемъ, однако, по счастію, тѣ только иностранцы, которые ничего не знаютъ объ обстоятельствахъ, въ какихъ я сначала многіе годы въ моемъ государствѣ находился, и сколь многіе изъ моихъ подданныхъ препятствовали мнѣ ужаснѣйшимъ образомъ

въ наилучшихъ моихъ намѣреніяхъ и принудили меня поступать съ ними со всею строгостью, но не жестоко, а еще менѣе мучительно, чѣмъ бы они заслуживали. Къ счастью, я никогда не имѣлъ недостатка въ разумныхъ, объ отечествѣ своемъ пекущихся и храбрыхъ сынахъ отечества, которымъ стали извѣстны полезныя мои для отечества намѣренія и которые честно и постоянно помогали мнѣ производить оныя въ дѣйство, за что и получили отъ меня признательность и награды.

XLVIII.

Петръ въ роли зубного врача.

Петръ очень любилъ присутствовать при анатомическихъ вскрытіяхъ и хирургическихъ операціяхъ и, будучи еще въ первое свое путешествіе въ Амстердамъ, обучался тамъ анатоміи и хирургіи. Любовь его къ этимъ наукамъ, въ ихъ практическомъ приложеніи, была столь велика, что онъ приказывалъ давать себѣ знать, если въ госпиталѣ или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ должно было происходить вскрытіе трупа или хирургическая операція, при чемъ часто самъ помогалъ производить операціи. Со временемъ приобрѣлъ онъ въ этихъ искусствахъ такой навыкъ, что умѣло производилъ вскрытія тѣла, пускалъ кровь, вырывалъ зубы и дѣлалъ это съ великою охотою, когда представлялся тому удобный случай. У него въ карманѣ всегда были наготовѣ: готовальня съ математическими инструментами для вымѣриванія представляемыхъ ему строительныхъ чертежей и лѣкарскій наборъ, въ которомъ находились два ланцета, ножницы, анатомическій ножъ, клещи для вырванія зубовъ и другіе лѣкарскіе инструменты.

Особенно охотно рвалъ онъ зубы. Этимъ воспользовался разъ его камердинеръ Полубояровъ, чтобы наказать свою жену, которая досаждала ему своимъ безпутнымъ образомъ жизни. Разъ государь засталъ этого камердинера сидящимъ въ передней въ глубокой задумчивости и спросилъ его, о чемъ онъ такъ задумался.

— Мнѣ жаль бѣдной жены моей, — отвѣчалъ Полубояровъ — она безпрестанно страдаетъ отъ зубной боли, а не хочетъ согласиться, чтобы вырвали у нея больной зубъ.

— Я тотчасъ ее къ тому уговорю и подамъ помощь, — сказалъ государь и немедленно пошелъ съ камердинеромъ къ его женѣ.

Придя къ ней, Петръ, несмотря на ея увѣренія, что у нея всѣ зубы здоровы, заставилъ ее сѣсть и сталъ осматривать у нея зубы. А дерзкій камердинеръ при этомъ сказалъ:

— Это-то и несчастье, ваше величество, что она всегда упрямится, когда хотятъ ей помочь, и говоритъ, что будто совсѣмъ не чувствуетъ боли, а какъ скоро лѣкарь уйдетъ, то опять начнетъ стонать и жаловаться.

— Хорошо, — отвѣчалъ Петръ, — она не станетъ уже болѣе стонать. Подержи только ей голову и руки.

И затѣмъ, несмотря на слезы Полубояровой, удачно вырвалъ у нея тотъ зубъ, который казался ему больнымъ.

Через нѣсколько дней истина открылась. Тогда Петръ призвалъ Полубоярова, заставилъ его признаться въ своемъ обманѣ и въ заключеніе далъ ему почувствовать всю тяжесть своей дубинки.

Съ устройствомъ въ Петербургъ Адмиралтейства и началомъ въ немъ кораблестроенія съ теченіемъ времени накопилось здѣсь столько щепъ, что происходило затрудненіе въ самыхъ работахъ. Наконецъ Адмиралтейская коллегія опредѣлила для вывоза щепъ вызвать подрядчиковъ; но государь, узнавъ объ этомъ рѣшеніи, съ неудовольствіемъ сказалъ: «у васъ все подряды да подряды!» и велѣлъ тогда же объявить по Петербургу, что желающіе могутъ брать изъ Адмиралтейства щепы безденежно. А такъ какъ окружавшія городъ болота, плохія дороги и большею частію немошенныя улицы дѣлали доставку дровъ въ Петербургъ трудною, да и строгіе указы Петра относительно лѣсоохраненія дѣлали самую рубку лѣса крайне затруднительною, то и наѣхало въ Адмиралтейство въ первый же день множество повозокъ за щепами.

Въ это время государь ѣхалъ въ Адмиралтейство на своей одноколкѣ, и когда сталъ въѣзжать на узкій подъемный мостъ^[48], то денщикъ его, стоявшій за одноколкою, увидаль телѣгу со щепами, уже въѣхавшую на тотъ же мостъ съ другой стороны. Денщикъ сталъ кричать, чтобы возъ поворотилъ назадъ.

— Молчи! — сказалъ Петръ — и того-то ты не можешь разсудить, что повернуться возу уже невозможно, а легче намъ съ одноколкой поворотиться.

И, сойдя съ одноколки, вмѣстѣ съ денщикомъ поворотилъ ее и далъ проѣхать возу. Съ этимъ возомъ ѣхалъ слуга одного корабельнаго секретаря, по имени Ларіонъ.

Черезъ нѣсколько дней случилось такъ, что Петръ повстрѣчался на томъ же мосту опять съ тѣмъ же Ларіономъ, ѣхавшимъ также съ возомъ щепъ. А такъ какъ государь въѣхалъ на мостъ первый, а Ларіонъ только еще подѣвжалъ къ мосту, то государь и кричалъ ему, чтобы онъ остановился. Но Ларіонъ, не обращая вниманія на крикъ государя, продолжалъ ѣхать и загородилъ ему дорогу.

Петръ сошелъ съ одноколки и, узнавъ въ Ларіонѣ того же самаго слугу, съ которымъ встрѣтился первый разъ, спросилъ его:

— Вѣдь это былъ ты, для котораго я поворотился съ одноколкой моей назадъ, дабы тебя пропустить?

— Я, — отвѣчалъ Ларіонъ.

— Но тогда въѣхалъ на мостъ прежде ты, и поворотиться тебѣ уже было неудобно; а теперь видѣлъ ты, что раньше въѣхалъ на

мостъ я, а ты только подѣзжалъ къ оному, и поворотиться мнѣ уже было неудобно, да я же и кричалъ тебѣ, чтобы ты остановился и пропустилъ меня; однакожь ты, несмотря на сіе, не останавливаясь, все ѣдешь.

— Виновать, — отвѣчалъ Ларіонъ.

— Такъ надобно, чтобы ты это помнилъ и не озорничалъ впредь, — сказали Петръ и тутъ же далъ Ларіону нѣсколько ударовъ своею дубинкой, приговаривая. — Не озорничай! не озорничай! и пропускай раньше тѣхъ, кто прежде тебя на мостъ въѣдетъ.

Ларіонъ дожилъ до глубокой старости и съ умиленіемъ, проливая слезы, рассказывалъ объ этомъ случаѣ, какъ бы гордясь тою честью, что самъ государь «изъ своихъ ручекъ» изволилъ наказать его своею палкою.

Л.

Безпристрастіе не требуетъ прикрасъ.

Разъ Петру показали въ Сенатѣ одно изъ прежнихъ боярскихъ рѣшеній, которое состояло всего лишь изъ слѣдующихъ словъ: «Сидѣли въ палатѣ трое бояръ, слушали дѣло, и быть дѣлу такъ». Показывавшій это рѣшеніе замѣтилъ съ насмѣшкою:

— Посмотрите, государь, какъ они хорошо объясняли дѣла!

Государь, прочитавъ рѣшеніе, сказалъ:

— Ничего здѣсь нѣтъ смѣшного, и я ихъ еще хвалю за сію краткость, въ которой очень много смысла. Они краткими сими словами утвердили крѣпко прежнее рѣшеніе, которое довольно уже было объяснено, а потому и не почли за надобность повторять онаго. И я бы желалъ, чтобы и вы подражали имъ и менѣ бы марали бумаги. Довольно обнаружить только дѣло и, оговоря кратко содержаніе просьбы или рѣшенія, написать приговора безъ предисловія и краснорѣчія, затемняющаго только дѣло; нерѣдко же, наполняя приговоръ двусмысліями и пустословіемъ, свойственными однимъ ябедникамъ, помрачаютъ и самую истину. Безпристрастіе не требуетъ ни прикрасъ, ни пустословія,

II.

Трудиться надобно!

(Изъ записокъ Неплюева)^[49].

30 іюня присланъ намъ отъ коллегіи приказъ явиться 1 числа іюля въ коллегію на экзамень, въ 8 часовъ утра. Его величество приѣхать изволилъ въ однокolkѣ и, идучи мимо насъ, сказалъ намъ: «здорово, ребята!» Черезъ малое время ввели насъ предъ собраніе, и флагману (адмиралу) Змаевичу поручено было насъ экзаменовать порознь; и когда дошла очередь отвѣтствовать мнѣ, то государь, самъ подойдя ко мнѣ и не давъ Змаевичу дѣлать задачъ, спросилъ:

— Всему ли ты научился, для чего быть посланъ?

На что я отвѣтствовалъ, ставъ на колѣни:

— Всемиловѣйшій государь! прилежалъ я по всей моей возможности, но не могу похвалиться, чтобы всему научился, а болѣе почитаю себя передъ вами работою недостойнымъ.

Государь, показывая мнѣ ладонь руки своей, изволилъ сказать:

— Трудиться надобно! Видишь, братецъ, я и царь вашъ, а у меня на рукахъ мозоли; а все оттого, чтобы показать вамъ примѣръ и, хотя бѣ подъ старость, увидѣть мнѣ достойныхъ изъ васъ помощниковъ и слугъ отечеству.

Я, стоя на колѣняхъ, осмѣлился взять самъ его царскую ручку и, многократно цѣлуя оную, пролилъ радостныя слезы. Потомъ государь сказалъ мнѣ:

— Встань и дай отвѣтъ, о чемъ тебя спросять, но не робѣй; что знаешь, сказывай, а чего не знаешь, такъ и скажи.

И, оборотаясь къ Змаевичу, приказалъ разспрашивать меня. И какъ разспросы сіи касались до навигаціи (мореплаванія) и отвѣтами моими былъ онъ доволенъ, то государь велѣлъ ему экзаменовать меня въ математикѣ, далеко ли я успѣлъ въ оной. Милостивое одобреніе, какое видѣлъ я въ очахъ монарха, сдѣлало меня неробкимъ; я рѣшилъ предлагаемыя мнѣ задачи довольно удачно, такъ что по окончаніи экзаменовъ великій государь пожаловалъ меня въ поручики морскіе галернаго флота^[50] и другого Кукарина, а всѣхъ другихъ мичманами.

ЛП.

Кто Богу не грѣшенъ, кто бабѣ не внукъ!

(Изъ записокъ Неплюева.)

Черезъ малое потомъ время^[51] указаль го сударь опредѣлить меня, Неплюева, смотрителемъ и командиромъ надъ строящимися галерами и другими морскими судами; почему и имѣль я счастье видѣть государя почти ежедневно, когда онъ не бываль въ отлучкѣ, и всякій прїѣздъ свой на работы разговаривать извоилъ со мною о разныхъ матеріяхъ, паче же касательно до должности и званія моего.

Между тѣмъ слышалъ я отъ флагмановъ Григорія Петровича Чернышова и отъ Змаевича, что государь-де тобою доволенъ и говорилъ, что въ этомъ-де маломъ будетъ путь. Они подали мнѣ совѣты, чтобъ прилежалъ я къ должности и былъ проворенъ, а паче берегся бы лжи и всегда бы говорилъ правду, хотя бъ случилось что и худо сдѣлать, — то-де государь тебя не оставитъ. Таковое отеческое наставленіе скоро доказало мнѣ, сколь оно было полезно.

Однажды пришелъ я на работу поздно, а государь уже прежде меня на оную прїѣхаль. Я испужался и хотѣлъ было бѣжать домой и сказаться больнымъ; но, вспомня тотъ благодѣтельный совѣтъ, пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ находился государь. Онъ, увидѣвъ меня, сказалъ:

— Я уже здѣсь, другъ мой!

— Виновать, государь! — отвѣчалъ я, — вчера былъ въ гостяхъ, и долго меня продержали, и потому проспаль и опоздалъ.

Монархъ, ударя меня по плечу, сказалъ:

— Богъ проститъ! Спасибо, что правду говоришь: кто Богу не грѣшенъ, кто бабѣ не внукъ!

ЛІІІ.

На родиняхъ у корабельнаго плотника.

(Изъ записокъ Неплюева.)

По окончаніи работы^[52] государь сказалъ мнѣ: — Ты вчера былъ въ гостяхъ, а меня сегодня звали на родины. Поѣдемъ со мною.

Я поклонился и по приказу его сталъ за его одноколкою, и приѣхали къ плотнику моей команды. Войдя въ хижину, государь пожаловалъ родильницѣ нѣсколько гривенниковъ и съ нею поцѣловался, а я стоялъ у дверей. Онъ мнѣ приказалъ то же сдѣлать, и я далъ гривну. Государь спросилъ бабу:

— Что далъ поручикъ?

Она гривну показала. Монархъ, усмѣхнувшись, сказалъ:

— Э, братъ! вижу я, что ты даришь не по-заморски.

— Нечѣмъ мнѣ, государь, дарить много: дворянинъ я бѣдный и имѣю жену и двоихъ дѣтей, и когда бы не ваше царское жалованье, то бы, здѣсь живучи, и ѣсть было нечего.

Государь спросилъ: сколько за мною душъ и гдѣ испомѣщенъ^[53]? Я все разсказалъ справедливо и безъ утайки.

Тогда хозяинъ поднесъ на деревянной тарелкѣ чарку горячаго вина. Государь изволилъ выкушать и заѣлъ пирогомъ съ морковью, лежавшимъ на столѣ, а потомъ поднесъ и мнѣ, но я не сталъ пить.

— Выпей, поручикъ, — сказалъ монархъ; — а какъ я отвѣчалъ, что отъ роду не пилъ горячаго вина: — инъ прикушай, сколько можешь, а то обидишь хозяина.

Что я и сдѣлалъ, а его величество, отлома кусокъ пирога и подавая мнѣ, сказалъ:

— Заѣшь; то родимая, а не италіянская пища.

Потомъ государь изволилъ поѣхать, а я пошелъ домой обѣдать.

LIV.

Отправленіе М. П. Бестужева-Рюмина резидентомъ въ Швецію.

По заключеніи (30 августа 1721 года) мира со шведами въ городѣ Ништадтѣ Петръ назначилъ резидентомъ^[54] въ Стокгольмѣ Михаила Петровича Бестужева-Рюмина. Передъ отъѣздомъ онъ приказалъ ему явиться, вмѣстѣ съ барономъ Остерманомъ^[55] въ 4 ч. утра къ себѣ для принятія послѣднихъ наставленій, сказавъ при этомъ, чтобы Бестужевъ не забылъ захватить свою записную книжку.

Въ половинѣ четвертаго оба были уже въ передней государя. Дежурный денщикъ сказалъ, что государь съ полчаса уже какъ всталъ и ходитъ по спальнѣ, но что доложить объ ихъ приходѣ ранѣе назначеннаго часа онъ не смѣетъ. Пробило четыре часа; тогда только денщикъ — вошелъ въ спальню и доложилъ о явившихся. Петръ приказалъ позвать ихъ къ себѣ.

Когда они вошли въ спальню, государь былъ еще въ халатѣ, туфляхъ, съ полуопущенными чулками и въ бумажномъ колпакѣ. Онъ принялъ ихъ ласково, сказалъ: «здравствуйте!» и спросилъ: «который часъ?» Узнавъ, что только что пробило четыре, сказалъ: «хорошо!». Потомъ спросилъ Остермана, отдалъ ли онъ Бестужеву письменное наставленіе отъ Иностранной коллегіи и прочиталъ ли его вмѣстѣ съ нимъ? Получивъ утвердительный отвѣтъ, спросилъ Бестужева, прочиталъ ли онъ это наставленіе въ другой разъ самъ, все ли въ немъ понять и не имѣетъ ли о чемъ спросить. Когда Бестужевъ отвѣтилъ, что прочиталъ и все понять, государь задалъ ему нѣсколько вопросовъ и представлялъ могущіе встрѣтиться случаи, испытывая, какъ онъ будетъ въ нихъ поступать и выходить изъ затрудненій.

Оставшись довольнымъ отвѣтами Бестужева, Петръ сказалъ ему:

— Теперь тебѣ все извѣстно, что именемъ моего государства въ пользу его долженъ ты производить. А теперь вынь свою записную книжку: я поручу тебѣ еще мои собственныя комиссіи и дамъ особыя наставленія, кои ты запиши, чтобъ ни одного изъ оныхъ не позабыть.

Затѣмъ государь сталъ обстоятельно говорить о томъ, что Бестужеву слѣдовало доставить изъ Швеціи для Петербурга и вообще для Россіи. Особенно хотѣлось Петру, чтобъ Бестужевъ нанялъ въ Стокгольмѣ садовниковъ, земледѣльцевъ и лѣсоводовъ,

на которыхъ особенно разсчитывалъ царь, что они будутъ наиболѣе другихъ иностранцевъ полезны для Петербурга по причинѣ почти одинаковой географической широты обоихъ городовъ. Бестужевъ также долженъ былъ нанять плотниковъ, каменщиковъ, искусныхъ слесарей и ружейныхъ мастеровъ, а особенно искусныхъ въ дѣланіи ружейныхъ замковъ, пружинъ, машинъ; также плавильщиковъ мѣди, дѣлателей стали и тому подобныхъ. Бестужевъ долженъ былъ все это записать въ памятную книжку, а потомъ Петръ заставилъ его прочесть, чтобы видѣть, не пропустилъ ли онъ чего-нибудь.

Наконецъ государь сказалъ Бестужеву, что о томъ, что касается полученнаго имъ наставленія отъ Иностранной коллегіи, долженъ онъ увѣдомлять коллегію и съ нею переписываться; а что касается только что данной особой комиссіи, объ этомъ увѣдомлять его самого и переписываться безъ всякихъ церемоній — кратко, опредѣленно и пунктами, и письма подписывать такъ: «Петру Алексѣвичу».

Прощаясь съ Бестужевымъ, государь сказалъ:

— Теперь желаю тебѣ счастливаго пути и чтобы ты порученную должность исправилъ вѣрно и усердно, сколько силъ твоихъ достанетъ. Если ты такъ поступишь, какъ я и надѣюсь, то и я не премину позаботиться о твоёмъ благополучіи; если же нѣтъ, то ты будешь имѣть во мнѣ такого недруга, какого имѣешь въ настоящее время друга.

Затѣмъ, поцѣловавъ Бестужева въ лобъ, сказалъ:

— Ступай теперь съ Богомъ!

LV.

Заштопаннные чулки.

Во время одного разговора о бережливости и бесполезныхъ расходахъ Петръ показаль зачиненные имъ самимъ шерстяные чулки. На это одинъ изъ присутствующихъ сказалъ:

— Ваше величество могли бы чулки и не донашивать до дырѣ.

— Для чего? — спросилъ Петръ: — почему долженъ я бросать чулки, кои могу проносить еще годъ, если они будутъ починены?

— Чтобы съ чулочной фабрики больше чулокъ расходилось, — отвѣчалъ тотъ, улыбаясь.

— О! — сказалъ государь, — она еще не въ состояніи постольку ставить, сколько кромѣ меня для государства потребно, и мы все еще должны вывозить ихъ изъ-за моря. Да если бы она могла поставить ихъ и больше, то я доставилъ бы ей случай избытокъ оныхъ отдавать сосѣдямъ, отправлять въ такія мѣста, гдѣ ихъ мало, и привозить за оныя въ государство деньги или другіе необходимые товары. Доколѣ же сего не будетъ, дотолѣ оставаться будетъ государство мое подобнымъ малому городу, гдѣ одинъ гражданинъ обрабатываетъ другого и другъ у друга отнимають хлѣбъ, всѣ же вмѣстѣ остаются въ бѣдномъ состояніи и никакой помощи не могутъ дѣлать приращенію города.

LVI.

Моты и щеголи.

Будучи бережливъ самъ, Петръ не терпѣлъ расточительности и въ другихъ. Если онъ встрѣчалъ на улицѣ кого-либо, особенно изъ молодыхъ людей, богато одѣтаго или ѣдущаго въ щегольскомъ экипажѣ, то всегда останавливалъ такового и спрашивалъ: кто онъ такой? сколько имѣетъ крестьянъ и доходовъ? — и если находилъ, что издержки не соотвѣтствовали доходамъ, то ставилъ это на видъ щеголю, журилъ его, а то и наказывалъ, назначая на извѣстный срокъ въ матросы; мотовъ же обыкновенно отсылалъ на галеры^[56] на срокъ до двухъ мѣсяцевъ и болѣе.

Нѣкто Корсаковъ, посланный Петромъ во Францію курьеромъ, по возвращеніи своемъ явился къ государю въ бархатныхъ штанахъ. Государь, разспросивъ его обо всемъ, что касалось даннаго ему порученія, не преминулъ замѣтить:

— Корсаковъ, штаны-то на тебѣ такіе, какихъ не носить и государь твой. Смотри, чтобы я съ тобою не побранился: это пахнетъ мотовствомъ; я вѣдь знаю, что ты не богатъ.

Одинъ изъ молодыхъ людей, возвратившись также изъ Франціи, куда онъ былъ посланъ для ученія, желая показать себя городу, расхаживалъ по улицамъ Петербурга въ богатомъ, послѣдняго парижскаго фасона платьѣ и бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ. Къ несчастью, встрѣтился онъ въ это время съ государемъ, ѣхавшимъ въ своей одноколкѣ. Государь подозвалъ франта къ себѣ и, заставивъ его итти подлѣ колеса одноколки, сталъ разспрашивать о Франціи и объ успѣхахъ его въ ученіи и отпустилъ только тогда, когда франтъ былъ весь обрызганъ грязью.

LVII.

Алмазы — показатели челоѡческой суетности.

Одинъ иностранецъ, прїѡхавъ въ Петербургъ, представилъ Петру большой и дорогой цѣны алмазь; онъ думалъ, что государь, какъ любитель рѣдкостей, непременно его купить. Но Петръ, взявъ алмазь и нѣкоторое время посмотрѣвъ на него, сказалъ:

— Непростительно бѣ было мнѣ на покупку безполезной вещи утратить знатную государственную сумму.

И, отпустивъ иностранца, сказалъ окружающимъ:

— Одно безуміе оцѣняетъ столь дорого сіи блестящія бездѣлки, а суетность, спутница безумія, возбуждаетъ желаніе украшать себя оными. Сіе безуміе и сія суетность столь далеко простираются, что ежели бы нашелся алмазь съ ручной жерновъ, то кажется мнѣ, что, не взирая на его тяжесть, повѣсили бы и онъ на шею.

LVIII.

Державный кузнецъ.

Въ февралѣ 1722 года императоръ^[57], чувствуя слабость здоровья, отправился изъ Москвы на желѣзные заводы купца Миллера — въ Истїи, въ 90 верстахъ отъ города, гдѣ открылись цѣлебныя минеральныя воды. Лѣчась здѣсь, Петръ въ свободное время посѣщаль самые заводы и не только внимательно ко всему присматривался, но и помогаль рабочимъ въ ихъ работахъ. Въ одинъ изъ послѣднихъ дней онъ самъ лично выковаль нѣсколько полосъ желѣза — въ 18 пудовъ вѣсомъ, при чемъ сопровождавшіе его приближенные должны были носить уголь, разводить огонь, раздувать его мѣхами и вообще оказывать императору помощь, необходимую при кузнечной работѣ. «Таковыя работы», говорить по этому поводу Голиковъ, «почитаемы имъ были за отдохновеніе отъ дѣлъ государственныхъ и за препровожденіе времени — такъ, какъ мы напริมѣръ проводимъ остающееся отъ дѣлъ нашихъ время за картами или въ чемъ подобномъ оному».

Возвратившись въ Москву, Петръ посѣтилъ Миллера, хвалиль его заводы и между прочимъ спросилъ, по чемъ получаютъ у него рабочіе съ пуда выкованныхъ желѣзныхъ полосъ, и когда Миллеръ отвѣчалъ, что по алтыну, императоръ потребоваль у него плату за выкованное имъ желѣзо. Миллеръ хотѣлъ было заплатить такому работнику по червонцу, но Петръ сказалъ, что онъ не лучше другихъ работаль и потому не долженъ и получать дороже, — и дѣйствительно получилъ 18 алтынъ. На эти деньги онъ купилъ себѣ въ рядахъ башмаки, которые показываль потомъ приближеннымъ и говорилъ имъ:

— Вотъ башмаки, которые я выработаль собственными руками! Я ихъ съ мозолями заслужилъ.

LIX.

Любимцы Петра.

Однажды въ присутствіи Петра зашелъ разговоръ о любимцѣ одного короля, имѣвшемъ при дворѣ такую власть, что могъ онъ все дѣлать, что ему было угодно.

— Такъ поэтому государствомъ правилъ онъ, а не король, — сказалъ на это Петръ. — Я благодарствую за такихъ любимцевъ! Моими любимцами всегда будутъ лишь тѣ, кои всѣхъ честнѣе, искуснѣе и отечеству полезнѣе.

Указъ о казнокрадахъ.

Ягужинскій, генераль-прокуроръ Сената, рассказывалъ впослѣдствіи, что разъ, присутствуя въ Сенатѣ и слушая дѣла о различныхъ воровствахъ изъ казны, Петръ въ досадѣ поклялся истребить казнокрадовъ и, обратясь къ Ягужинскому, сказалъ:

— Павелъ Ивановичъ! сей же часъ напиши отъ моего имени указъ во все государство такого содержанія, что если кто и настолько украдетъ, что можно купить веревку для петли, тотъ безъ дальняго слѣдствія повѣшенъ будетъ.

Ягужинскій взялъ уже было перо въ руки, чтобы исполнить данное приказаніе, но, остановившись, сказалъ:

— Подумайте, ваше величество, какія слѣдствія будетъ имѣть такой указъ!

— Пиши, какъ я тебѣ повелѣлъ, — прервалъ его разгнѣванный императоръ.

— Всемиловѣйшій государь, — замѣтилъ на это съ улыбкою Ягужинскій, — неужели вы хотите остаться императоромъ одинъ, безъ служителей и подданныхъ? Мы всѣ ворuemъ, съ тѣмъ только различіемъ, что одинъ воруетъ болѣе и примѣтнѣе, нежели другой.

Эти такъ кстати сказанныя слова произвели свое дѣйствіе: государь разсмѣялся и не сказалъ болѣе ни слова.

Кто не знаетъ «кунсткамеры», этой «чудесь палаты», которую обезсмертилъ Крыловъ въ своей извѣстной баснѣ? «Палата» эта^[58] основана Петромъ Великимъ и предназначалась для учреждаемой имъ Академіи наукъ^[59]. Здѣсь были собраны Петромъ рѣдкія книги, атласы, рукописи, древнія монеты, медали, анатомическіе препараты и вообще различныя рѣдкости. Надзоръ за кунсткамерою былъ порученъ библіотекарю государя — Шумахеру. Петръ часто заходилъ сюда и считалъ за отдыхъ разсматриваніе собранныхъ здѣсь вещей.

Въ одно изъ такихъ посѣщеній, сопровождаемый генераль-прокуроромъ Ягужинскимъ и нѣкоторыми другими липами, государь обратилъ ихъ особенное вниманіе на анатомическіе препараты, выясняя пользу такого собранія, ведущаго къ познанію устройства человѣческаго тѣла, особенно необходимому для врачей. Затѣмъ, обратясь къ Шумахеру, сказалъ:

— Такъ какъ все уже въ надлежащій порядокъ приведено и устроено, то съ сего времени я хочу всѣхъ, кто бы ни пришелъ, пускать сюда, вездѣ водить ихъ, все имъ показывать и объяснять.

Ягужинскій, осыпая похвалами такое распоряженіе, замѣтилъ только, что такъ какъ для храненія такихъ рѣдкостей требуются издержки, то необходимо, чтобы каждый посѣтитель кунсткамеры при входѣ опускалъ въ кружку по рублю или по два, и собираемая такимъ образомъ сумма пойдетъ не только на храненіе имѣющихся уже рѣдкостей, но и на приобрѣтеніе новыхъ.

— Павелъ Ивановичъ, гдѣ твой умъ? — возразилъ на это Петръ. — Ты судишь неправо, и предложеніе твое болѣе препятствовать будетъ, нежели споспѣшествовать моему намѣренію, ибо кто захочетъ мои рѣдкости видѣть, если долженъ будетъ платить за то деньги? Я лучше прикажу, чтобы не токмо даромъ каждого пускали, но еще чтобъ во всякое время, если кто придетъ смотрѣть оныя, угощали на счетъ казенный чашкою кофе, рюмкою вина, чаркою водки или другими потчеваніями.

И тогда же опредѣлили на такія угощенія выдавать по 400 рублей ежегодно. Это угощеніе посѣтителей кунсткамеры сохранялось долгое время, и еще при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ существовало угощеніе кофеемъ, виномъ и закусками.

LXII.

Петръ на урокѣ у дочерей.

Петръ такъ заботился о развитіи образованности среди своихъ подданныхъ, а самому ему всегда приходилось сожалѣть о томъ, что самъ онъ былъ лишенъ въ дѣтствѣ правильного воспитанія. Императрица Елизавета рассказывала впослѣдствіи, что однажды отецъ, войдя въ комнату, гдѣ она занималась съ своею старшею сестрою Анною, засталъ ихъ читающими, подъ руководствомъ учительницы, книгу на французскомъ языкѣ — письма г-жи Ламбертъ. Отецъ приказалъ имъ перевести на русскій языкъ одну страницу и, когда онѣ это сдѣлали, сказалъ:

— Ахъ, какъ счастливы вы, дѣти мои, что васъ обучаютъ въ молодыхъ вашихъ лѣтахъ чтенію полезныхъ книгъ и столь хорошимъ упражненіямъ, чего я въ молодости совершенно былъ лишенъ,

LXIII.

Чѣмъ долженъ отличатся государь отъ подданныхъ.

Екатерина Алексѣевна, готовясь къ своей коронаціи^[60], вышла серебромъ кафтанъ для мужа. Когда Петръ надѣлъ кафтанъ въ первый разъ, то она сказала:

— Ахъ, батюшка, какъ онъ къ тебѣ присталь! Какъ бы я желала видѣть тебя и всегда такъ одѣтаго.

— Безразсудное желаніе! — замѣтилъ на это Петръ. — Ты, Катенька, того не представляешь, что всѣ подобныя издержки не только что излишни и отяготительны моему народу, но что за такое недостойное употребленіе денегъ народныхъ еще и отвѣчать я буду Богу, вѣдая притомъ, что государь долженъ отличатся отъ подданныхъ не щегольствомъ и пышностью, а менѣе того роскошью, но неусыпнымъ ношеніемъ на себѣ бремени государственнаго и попеченіемъ о пользѣ и облегченіи подданныхъ. Къ тому же всѣ таковыя убранства только стѣсняють меня и вяжутъ мнѣ руки.

LXIV.

Подвигъ на Лахтѣ.

5 ноября 1724 года, проѣздомъ въ Систербекъ^[61] для осмотра тамошнихъ ружейныхъ заводовъ, Петръ вечеромъ присталъ къ Лахтѣ, чтобы, переночевавъ здѣсь, продолжать далѣе свой путь. Въ это время онъ увидѣлъ плывущій изъ Кронштадта боть съ солдатами, который, борясь съ сильнымъ противнымъ вѣтромъ, находился въ явной опасности и наконецъ былъ брошенъ на мель, съ которой уже не могъ сняться.

Императоръ тотчасъ послалъ на помощь къ боту шлюпку съ своими людьми. Но всѣ усилія посланныхъ и экипажа оставались тщетными; уже нѣсколько человѣкъ были сбиты волнами и едва спаслись отъ смерти.

Петръ, видя все это, гнѣвался, что работа идетъ совсѣмъ не такъ, какъ бы слѣдовало, и наконецъ, не вытерпѣвъ, самъ сѣлъ въ шлюпку и поѣхалъ къ погибающему боту. Подѣхавъ къ нему, за нѣсколько шаговъ отъ него, онъ выскочилъ изъ шлюпки и шелъ по мели по поясъ въ водѣ. Онъ не только распоряжался стаскиваніемъ бота, но и самъ помогать въ работѣ, самъ спасать утопающихъ солдатъ; тѣхъ изъ нихъ, которые были наиболѣе утомлены, онъ приказалъ свезти на берегъ, гдѣ они и были размѣщены по крестьянскимъ избамъ. Благодаря личному участию императора, было спасено болѣе 20-ти человѣкъ.

Когда боть былъ наконецъ стащенъ съ мели и могъ отправиться въ дальнѣйшій путь, тогда только Петръ вернулся на берегъ и переодѣлся въ сухое платье. Онъ думалъ, какъ и было рѣшено ранѣе, переночевать на Лахтѣ, утромъ отправиться въ Систербекъ, но не могъ заснуть почти всю ночь отъ приступовъ жестокой лихорадки. Утромъ вмѣсто Систербека онъ принужденъ былъ отправиться въ Петербургъ и здѣсь слегъ въ постель. Съ этихъ поръ здоровье его уже не возстановлялось окончательно.

До нашихъ дней на томъ мѣстѣ, гдѣ остановился Петръ, приставши къ Лахтѣ, сохранилась «историческая сосна» (нынѣ уже сухая), свидѣтельница челоѣколюбиваго подвига императора. Въ послѣднее время въ память этого подвига поставлена часовня^[62], стоящая рядомъ съ «историческою сосною».

Къ физическому разстройству въ послѣдніе мѣсяцы жизни императора присоединились еще и нравственныя огорченія. Одинъ изъ приближенныхъ его жены, ея камергеръ — Монсъ, и его сестра, фрейлина императрицы — Балкъ, пользуясь своимъ вліяніемъ на Екатерину, брали взятки съ тѣхъ, кто нуждался въ ея защитѣ, и хлопотали у нея за нихъ.

Когда дѣло это открылось, императоръ, недовольный Монсомъ и по другимъ причинамъ, былъ страшно разгнѣванъ; онъ велѣлъ поступить съ виновными по всей строгости законовъ, и судъ приговорилъ Монса къ смертной казни, а Балкъ къ публичному наказанію кнутомъ и ссылкой въ Сибирь.

Императрица рѣшилась просить о помилованіи виновныхъ, Но раздраженный Петръ, недовольный и ею самою за это дѣло, въ отвѣтъ на ея просьбу ударилъ кулакомъ по дорогому венеціанскому зеркалу и разбилъ его вдребезги.

— Ты видишь, — сказалъ онъ, — что нуженъ только одинъ ударъ моей руки, чтобы стекло сіе обратить въ тотъ прахъ, изъ котораго оно извлечено.

Этими жесткими словами императоръ намекалъ на низкое происхожденіе своей жены^[63]. Но не даромъ же она была подругою такого человѣка, какъ Петръ Великій.

— Разбивъ теперь, — спокойно сказала она въ отвѣтъ, — то, что составляло лучшее украшеніе твоего дворца, неужели думаешь ты, государь, что онъ будетъ отъ того лучше?

Такой полный достоинства отвѣтъ смягчилъ гнѣвъ императора противъ его жены, но не облегчилъ судьбы виновныхъ, и 16 ноября въ 10 часовъ утра приговоръ суда былъ приведенъ въ исполненіе.

LXVI.

Какое бѣдное животное человѣкъ!

6 января 1725 года, еще не оправившись отъ болѣзни, императоръ присутствовалъ въ сильный морозъ и вѣтеръ при освященіи воды на Иордани, снова простудился и слегъ въ постель — уже съ тѣмъ, чтобы болѣе не вставать.

16 января болѣзнь оказала всю свою силу. Императоръ страдалъ невыносимо и кричалъ отъ жестокой боли почти безъ перерыва. Въ одну изъ минутъ, когда приступы болѣзни были легче, онъ сказалъ окружающимъ:

— Изъ меня познайте, какое бѣдное животное есть человѣкъ!

Болѣзнь шла быстрыми шагами. 22-го числа силы начали оставлять больного, и онъ уже не кричалъ отъ боли, а только стоналъ. Но сознаніе не покидало его до послѣдняго дня; когда онъ не могъ говорить, то знаками показывалъ, что понимаетъ обращенныя къ нему слова.

Наконецъ предсмертная борьба кончилась, и 28 января, въ шестомъ часу утра, не стало величайшаго русскаго человѣка — Петра Великаго, преобразователя Россіи и ея перваго императора.

LXVII.

Надгробная рѣчь Ѳеофана Прокоповича.

8 марта 1725 года тѣло императора было перевезено въ Петропавловскій соборъ. По окончаніи литургіи взошелъ на кафедру знаменитый проповѣдникъ — архіепископъ псковскій и членъ Синода^[64], Ѳеофанъ Прокоповичъ, одинъ изъ важнѣйшихъ дѣателей царствованія Петра Великаго — для произнесенія проповѣди.

— Что се есть? — началъ онъ. — До чего мы дожили, о россияне! Что видимъ? Что дѣлаемъ? Петра Великаго погребаемъ!

Далѣе проповѣдникъ не могъ продолжать и залился слезами. Ему отвѣтилъ громкій плачь во всемъ соборѣ. Рѣчь была не длинна, но продолжалась около часа, такъ какъ прерывалась рыданіями слушателей.

— Не мечтаніе ли се? не сонное ли намъ привидѣніе? — продолжалъ Прокоповичъ. — Ахъ, какъ (какая) истинная печаль! ахъ, какъ (какое) извѣстное наше злоключеніе! Виновникъ безчисленныхъ благополучій нашихъ и радостей, воскресившій аки отъ мертвыхъ Россію и воздвигшій въ полную силу и славу — тогда жизнь скончалъ, когда по трудахъ, безпокойствахъ, печалѣхъ и бѣдствіяхъ жити нѣчто (нѣсколько) начинать.

— Не весьма же, россияне, изнемогаемъ отъ печали и жалости, — говорилъ далѣе въ утѣшеніе рыдающимъ слушателямъ Прокоповичъ, — не весьма бо и оставилъ насъ сей великій монархъ и отецъ нашъ, Оставилъ насъ, но не нищихъ и убогихъ: безмѣрное богатство силы и славы его, которое вышеименованными его дѣлами означилося, при насъ есть. Какову ю онъ Россію свою сдѣлалъ, такова и будетъ; сдѣлалъ добрымъ любимою, любима и будетъ; сдѣлалъ врагомъ страшною, страшна и будетъ; сдѣлалъ на весь міръ славною, славная и быти не перестанетъ. Оставилъ намъ духовная, гражданская и воинская исправленія. Убо, оставляя насъ разрушеніемъ тѣла своего, духъ свой оставилъ намъ.

— О Россіе! — такъ закончилъ проповѣдникъ свое краснорѣчивое слово: — вижу, кто и каковъ тебе (тебя) оставилъ, виждь, и какову оставилъ тебе. Аминь.

Тѣло императора посыпали землей, закрыли гробъ, но землѣ не предали. Гробъ, поставленный на катафалкѣ, подъ балдахиномъ, надъ которымъ была распростерта императорская

мантія, стоялъ въ соборѣ до 21 мая 1731 года.

notes

Примечания

Разказы Нартова о Петрѣ Великомъ. Л. Н. Майкова. Прилож.
къ LXVII тому записокъ Импер. Академіи Наукъ. 6. Спб. твщ.

Подлинныя анекдоты Петра Великаго, слышанныя изъ устъ знатныхъ особъ въ Москвѣ и Санктпетербургѣ; изданныя въ свѣтъ Яковомъ фонъ-Штелинымъ, а на Россійскій языкъ переведенныя К. Карломъ Рембовскимъ. Изданіе третіе. Въ Москвѣ. 1789 года.

Н. Устряловъ. Исторія царствованія Петра Великаго. Т. т. 1–4
и 6. Спб. 1858–63 г.г.

С. Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Т. т. 13–18. Москва, 1863–68 г.г.

Въ «Родникъ» за 1895 годъ, №№ I, III, IV–VI, VIII, XI и XII.

Гость — высшая степень купеческаго званія въ Московскомъ государствѣ.

Поселеніє около Москвы, гдѣ до Петра было позволено селиться иностранцамъ, прїѣхавшимъ въ Москву на службу или для занятій торговлей и ремеслами.

Петръ въ это время считался царемъ московскимъ вмѣстѣ, съ братомъ своимъ Иваномъ, но настоящею правительницею государства была старшая ихъ сестра Софья.

Царь Алексѣй Михайловичъ былъ страстный любитель охоты, особенно соколиной.

«Орелъ» былъ сожженъ Стенькою Разинымъ во время его бунта.

Сумма по тому времени не малая: свыше тридцати червонцевъ по нынѣшнему счету.

Т.-е.: камень, которымъ пренебрегалъ строитель, послужилъ основаніемъ угла зданія.

Ефимокъ (талеръ) равнялся нашему тогдашнему рублю. Ср. примѣч. на стр. 13.

Бѣлый флагъ, поднятый въ крѣпости во время ея осады, означаетъ желаніе осажденныхъ вести переговоры о сдачѣ.

Денщиками при Петрѣ назывались дежурившіе при немъ адъютанты; они же исполняли и должность секретарей.

Помѣстный приказъ завѣдывалъ дѣлами, касавшимися земель помѣщиковъ, разбиралъ споры послѣднихъ о принадлежавшихъ имъ земляхъ, собиралъ налоги съ помѣстій и т. п.

Любимая водка Петра.

Въ Преображенскомъ приказѣ производилось разслѣдованіе
особо важныхъ государственныхъ преступленій,

Св. Николай Чудотворецъ считается покровителемъ
плавающихъ по водамъ.

Рига сдалась русскимъ на условіи сохраненія гражданскихъ правъ жителей и потому сохранила свой собственный судъ. Ратуша — зданіе, гдѣ собирается городской совѣтъ (магистратъ).

Ратсгеръ — одинъ изъ членовъ городского совѣта.

Катериненталь, буквально, значить: *долина Екатерины*.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ до смерти сохранилъ чинъ полковника Преображенскаго полка, и въ такомъ видѣ вспоминаетъ его народъ въ своихъ пѣсняхъ.

«Соборное уложение», сводъ законовъ, изданный въ 1649 году.

Изъ этого можно видѣть, что засѣданія въ Сенатѣ, какъ и вообще во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ въ Петровское время, начинались очень рано. Къ полудню — обѣденная въ то время пора — всѣ присутствія уже закрывались.

Александръ Македонскій на одномъ пиру, раздраженный противорѣчіемъ своего любимца Клита, ударилъ его копьемъ и убилъ наповаль.

Такъ говорили тогда по примѣру царя, который хотѣлъ этимъ выразить единство мнѣній членовъ Сената и его значеніе, лишь какъ учрежденія въ цѣломъ.

Графъ Ѳ. М. Апраксинъ.

Одинъ изъ нихъ былъ А. Д. Татищевъ, въ послѣдствіи генераль-полицеймейстеръ. Отъ него-то и пошелъ этотъ анекдотъ.

Обрядъ, состоявшій въ томъ, что обезчещеннаго позорнымъ наказаніемъ или какимъ другимъ образомъ прикрывали военными знаменами, и этимъ честь его считалась восстановленною.

Дачная мѣстность въ Парижѣ съ обширнымъ прекраснымъ паркомъ.

Правнукъ Людовика XIV, наслѣдовавшій послѣ него престолъ Франціи. За его малолѣтствомъ государствомъ управлялъ регентъ Филиппъ, герцогъ Орлеанскій.

Екатерина Алексѣевна оставалась въ Голландіи.

Карликъ Петра Великаго.

Обширная богадѣльня для престарѣлыхъ, больныхъ и увѣчныхъ воиновъ и ихъ семействъ, учрежденная Людовикомъ XIV.

Любимица Людовика XIV, имѣвшая на него большое вліяніе во вторую половину его царствованія.

Въ 1708 году Россія была раздѣлена на 12 губерній, а губерніи на провинціи. Первыми управляли губернаторы, вторыми — воеводы.

Сержантъ — старшій унтеръ-офицеръ. Всѣ унтеръ-офицерскіе чины того времени были слѣдующіе: сержантъ, каптенармусъ, подпрапорщикъ, капраль, ротный писарь и барабанщикъ; ниже ихъ былъ рядовой, а выше — начинались оберъ-офицерскіе чины: прапорщикъ (или фендрихъ), подпоручикъ и пр., какъ и въ настоящее время.

Коллегіи замѣнили прежніе приказы и начали вводиться въ Россіи съ 1719 года. Адмиралтействъ-коллегія завѣдывала управленіемъ флотомъ и всѣми вообще морскими дѣлами.

Интересно, что отвращеніе отъ постной пищи передалось отъ Петра по наслѣдству его дочери Елизаветѣ.

Или зимою въ саняхъ.

Одномачтовое судно.

Сохраняется до сихъ поръ подъ навѣсомъ при «домикѣ Петра Великаго».

Мосты при Петръ были лишь на рѣчкахъ, впадающихъ въ Неву, и каналахъ.

Прадѣдъ нашего великаго поэта — А. С. Пушкина.

Тяжелая трость, которую постоянно носилъ Петръ и которую нерѣдко употреблялъ для немедленнаго наказанія виновныхъ, не разбирая ни чина ихъ, ни званія.

Магистраты были учреждены въ 1721 году для управленія торговымъ и ремесленнымъ населеніемъ городовъ.

Адмиралтейство было тогда укрѣпленнымъ мѣстомъ и окружено валомъ и рвомъ.

Ив. Ив. Неплюевъ, одинъ изъ достойнѣйшихъ «птенцовъ Петра Великаго», въ числѣ другихъ молодыхъ дворянъ былъ отправленъ за границу для изученія морского дѣла и преимущественно для практическаго знакомства съ плаваніемъ на галерахъ. Черезъ пять лѣтъ ученія въ Венеціи и Испаніи они возвратились въ Петербургъ 22 мая 1720 г., и государь рѣшилъ экзаменовать ихъ при полномъ собраніи Адмиралтейской коллегіи.

Галера — большое гребное, преимущественно морское судно.

См. предыдущий анекдотъ.

См. предыдущий анекдотъ.

Т.-е.: гдѣ находится помѣстье?

То же, что посолъ, но съ меньшими правами.

Остерманъ вмѣстѣ съ графомъ Брюсомъ — русскіе
уполномоченные, заключившіе Ништадтскій миръ.

Гребцами на галерахъ были или преступники или плѣнники. Работа ихъ была крайне тяжелая, а такъ какъ галеры иначе назывались у насъ каторгами, то отсюда и пошли слова: каторжная работа, каторжный и каторга въ современномъ смыслѣ.

Титуль этотъ принять Петромъ 22 октября 1721 года.

Впослѣдствіи «Музей Академіи наукъ», существующій и нынѣ.

Академія наукъ открыта уже послѣ смерти Петра, въ 1726 году.

Опа была коронована 7 мая 1724 г.

Нынѣшній Сестрорѣцкъ.

Освящена 29 іюня 1893 года.

Ливонка родомъ, по имени Марта Скавронская, она была служанкою маріенбургскаго пастора Глюка и вмѣстѣ съ нимъ попала въ плѣнъ при взятіи русскими войсками Маріенбурга въ 1702 году. Меншиковъ взялъ ее къ себѣ въ домъ; здѣсь встрѣтился съ нею Петръ, полюбилъ ее и потомъ на ней женился.

Синодъ учреждень въ 1721 году.